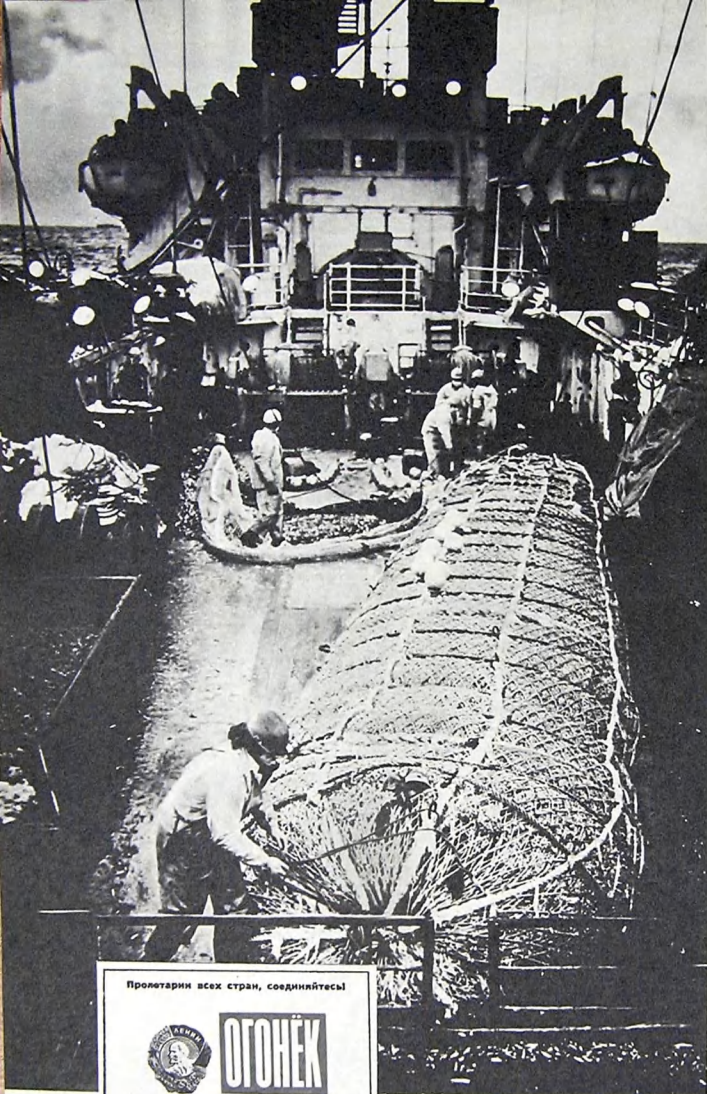

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 14 МАРТ 1980

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

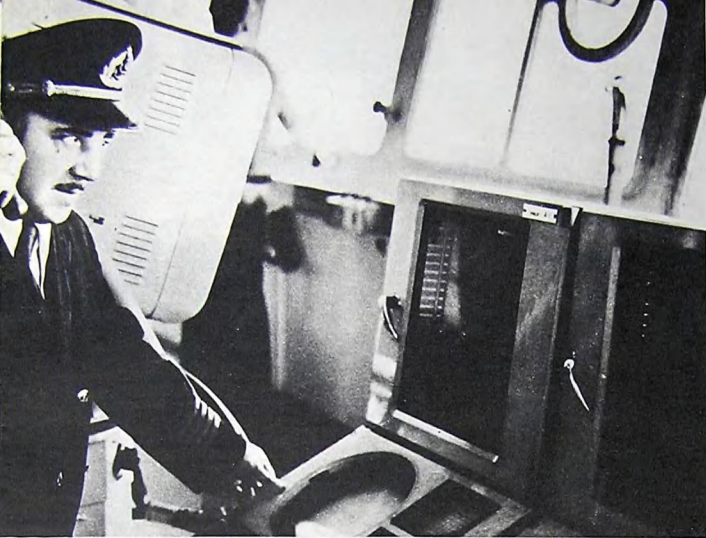
№ 14 (2751)

29 МАРТА 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

Утренний подъем.

СОЛЕНА

Капитан БМРТ-2415 «Вышгорода» Владимир Федотович Радзевинлов.

Встреча в море.

Дары Нептуна.

Второй половине января на широте Мурманска робко выглянула из-за сонной оранжевой дымки солнца. И почти одновременно, будто празднично, конец долгой полярной ночи, в Баренцевом море дала о себе знать мороза. Но если солнце пожелтело в годовое строение по календарю, то приход этой небольшой промысловой рыбки в студеные воды моря Баренца оказался внезапным. И все же промысловик Мурманского ордена Октябрьской Революции тралового флота, этого крупнейшего в стране рыбодобывающего предприятия, отмечавшего нынче летом свое 60-летие, не был застигнут врасплох. Организовано, не теряя ни часа, они приступили к лову.

Промысел мойвы — это строгий, даже суровый экзамен на выдержку, оперативность, умение ориентироваться в быстро меняющейся промысловой и погодной обстановке. Рыбаки считают его испытанием на профессиональную зрелость. Постоянно мигрирующая по самым замаскированным маршрутам, рыба нередко доводит до полного изнеможения капитанов, штурманов, безуспешно пытающихся отыскать пропавшие носили. Тут без взаимовыручки не обойтись. На ежедневных радиосоветах специалисты — штурманы, технические трайнеры, эленторонавигаторы, представители других служб обмениваются всей имеющейся информацией о местонахождении рыбы.

На траулере много различных профессий и специальностей, но обязанности дежурства членов экипажа такого судна, как БМРТ-2415 «Вышгорода», настолько взаимосвязаны, что малейшая заминка в одном звене немедленно мгновенно сказывается на итогах работы всего коллектива. В одном трале можно взять хороший улов рыбы, а другой вдруг оказывается пустым. Да и многооточный улов — это еще не полный успех. Рыба должна соответствовать определенным требованиям.

Наилучшая мореходная путинка для морских Мурманского тралового флота во многом особенная. Экипажи проводят ее под знаком соревнования за достойную встречу 10-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Еще в январе моряки большого морозильного траулера «Мир» дали слово выполнить задание по вылову на 165 процентов, а по выпуску пищевой рыбопродукции — на 160 процентов. Почти экипажи получают поддержку во всех командах.

Сейчас промысел идет круглогодично, организована подмена основных экипажей непосредственно на промысле. В напряженный ритм работы к судам и дело приносит свои поправки погода, нередко штормовая. Но моряки, судя по своим делам, не боятся. Работают общественные организации, читают лекции, нет политической, технической, экономической учебы. Немногие свободные часы моряки отдают спорту, концертам художественной самодеятельности.

Соленые вахты продолжают. А. ГРУДИН, первый помощник капитана БМРТ-0257 «Салтыков-Щедрин» Фото В. КОНОВОВА, старшего техника конструкторского бюро Мурманского тралового флота

Я ВАХТА

Москва. Большой Кремлевский дворец. Первая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва. В зале заседания.

Фото А. Гостева

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

25 марта в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась первая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва.

Продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищи А. А. Громыко, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. С. Соколенцев, Н. В. Напнтонова, В. И. Долгих.

В повестке дня сессии избраны Мандатной комиссией Верховного Совета РСФСР; избраны Президиум Верховного Совета РСФСР; о х-

де выполнения Закона РСФСР о здравоохранении и мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья населения; о проекте регламента Верховного Совета РСФСР и о внесении изменений и дополнений в положение о постоянных комиссиях Верховного Совета РСФСР; об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР: об образовании постоянных комиссий Верховного Совета РСФСР; об образовании правительства РСФСР — Совета Министров РСФСР; об образовании Комитета народного контроля РСФСР; об избрании Верховного суда РСФСР.

ФОРУМ ВЕНГЕРСКИХ КОММУНИСТОВ

24 марта в Будапеште открылся XII съезд Венгерской социалистической рабочей партии — вождем и организатором побед трудящихся республикан, строящих развитой социализм.

XII съезд ВСРП проходит в знаменательный период — 4 апреля Венгрия будет отмечать 35-летие освобождения от фашизма.

В работе XII съезда принимают участие делегации коммунистических и рабочих партий из братских социалистических стран, а также многих европейских капиталистических государств.

На повестке дня съезда: отчетный доклад ЦК ВСРП о выполнении решений XI съезда и задачи партии; отчет Центральной контрольной комиссии ВСРП; выборы членов ЦК и Центральной контрольной комиссии ВСРП. С отчетным докладом Центрального комитета ВСРП выступил Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар.

Тепло и сердечно встретили участников съезда выступление главы делегации коммунистической партии Советского Союза, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко.

В зале вспыхнули горячие продолжительные овации, когда глава делегации КПСС принял участие в высшей форме ВСРП сорочный привет и напутствие пожелания от большого друга венгерского народа, Генерального секретаря ЦК КПСС. Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнев, который с неизменным братским вниманием воспринимает дела и заботы венгерских коммунистов.

В заключение своей речи А. П. Кириленко вручил Президиуму приветствие Центрального Комитета КПСС XII съезду Венгерской социалистической рабочей партии.

На сцене в президиуме съезда. На трибуне — глава делегации Коммунистической партии Советского Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Телефото В. Егорова (ТАСС).

Во время подписания документов.

Фото А. Гостева

ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКО-НИКАРАГУАНСКИХ ДОКУМЕНТОВ

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства с 17 по 22 марта 1980 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом заходили делегация правительства национального освобождения и Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) Республики Никарагуа во главе с членом руководящего совета правительства национального освобождения Хосе-Мануэлем Моралесом.

19 марта после завершения переговоров, прошедших в обстановке дружбы и взаимопонимания, были подписаны советско-никарагуанские документы.

План связей между КПСС и Сандинистским фронтом национального освобождения Никарагуа подписан: за КПСС — наряду с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и за СФНО — член национального руководства СФНО Ферри Рус. Были подписаны также: Торговое соглашение, протокол об учреждении торгового представительства ССР в Республике Никарагуа и торгового представительства Республики Никарагуа в ССР, протокол между правительством ССР и правительством национального освобождения Республики Никарагуа о поставках това-

ров, соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, соглашение о культурном и научном сотрудничестве, консульская конвенция, соглашение о воздушном сообщении.

При подписании документов присутствовали: с советской стороны — А. А. Громыко, А. П. Косыгин, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, председатели Государственных комитетов СССР, другие официальные лица; с никарагуанской стороны — члены национального руководства Сандинистского фронта националь-

ного освобождения Томас Борхе, Умберто Ортега, другие члены правительственно-партийной делегации Республики Никарагуа.

22 марта в Москве состоялось подписание соглашения о сотрудничестве в области планирования между Госпланом СССР и министерством планирования Республики Никарагуа.

Соглашение подписали с советской стороны заместители Председателя Совета Министров СССР, председатели Госплана СССР И. К. Байбиков, с никарагуанской — члены национального руководства СФНО министр планирования Г. Рус.

ВЕЩЬЮСТЬ СОЛИДАРНОСТИ

Руслан ТУЧНИН

С сердечной теплотой и радужным встретили советские люди посланцев мужественного никарагуанского народа — правительственно-партийную делегацию Никарагуа, прибывшую в нашу страну по приглашению ЦК КПСС и Советского правительства. Этот официальный дружественный визит, открывающий новую страницу в отношениях между нашими государствами, стал реальностью благодаря великому перелому, наступившему в развитии Республики Никарагуа: революция смела ненавистную тиранию семейства Сомосы и открыла перед народом путь к построению нового общества, где не должно быть места зависимости от империализма, экономической отсталости и капиталистической эксплуатации, несущих бедность и невзгоды трудящимся массам.

Колоссальные трудности на всех направлениях социально-экономической жизни оставила в наследство яростно сопротивлявшаяся антинародная диктатура. В отчаянной борьбе с народом Сомосы варварски разрушили все, что было можно — жилища и посевы, школы и больницы, заводы и фабрики. Почти девять из каждых десяти промышленных предприятий были превращены в руины. В стране с населением немногим более двух миллионов человек образовалась четвертьмиллионная армия безработных. Разгар революционных баталий совпал с периодом сева, и страна лишилась урожая зерновых. Тысячи семей остались без хлеба. Над народом нависла угроза голода.

Сандинистскому фронту национального освобождения (СФНО), одержавшему славную победу на поле боя, пришлось с ходу вступить в битву за восстановление и реконструкцию национальной экономики, за изгнание из страны последнего владыки в своей истории — тирана Сомосы. Неомонополистический капитализм в интересах всего народа. Неомонополистический капитализм в интересах всего народа. Неомонополистический капитализм в интересах всего народа. Неомонополистический капитализм в интересах всего народа.

Почти девятый месяц со дня провозглашения свободной и независимой Республики Никарагуа. А правительство национального освобождения уже живет с законной гордостью за себя и свой активный вклад в государственные мероприятия. Проведена национализация банков, внешней торговли и горнотрудовой промышленности. На базе кооперативной собственности Сомосы и его приспешников создается величайший государственный сектор в экономике. Вступила в действие аграрная реформа: на полутора миллионах гектаров зем-

ли, отобранной у семейства диктатора, создаются кооперативные хозяйства, которые получают помощь от государства.

Правительство Никарагуа одобрило свой первый чрезвычайный план восстановления национальной экономики на пятилетний год. И в основе этой программы развития лежит забота о трудящемся народе — обеспечить население продовольствием, послынно сократить безработицу, снять инфляцию, улучшить жилищные условия и медицинское обслуживание. Настоящая война объявлена врагам. Десятки тысяч безработных, в основном из числа молодежи, двинулись в рабочие кварталы и стали учить читать и писать ранее обездоленных тружеников города и деревни.

Истинные патриоты Никарагуа понимают, что внутренняя и внешняя реакция не откажется от попытки уничтожить достигнутые завоевания. И они верны девизу, гласящему, что революция должна уметь себя защитить. Именно поэтому создана и укрепляется самостоятельная армия, приняв деятельное участие в подавлении мятежа, которая будет стоять на страже интересов всего народа.

Эти правительственные меры по укреплению безопасности страны оправданы и своевременны. Затянувшись на время приверженцы прежнего режима и все враги никарагуанской революции поднимут голову. Продажные круги буржуазии и срывающиеся с ними экстремистские левые группировки маоистского и троцкистского толка выступают с клеветой на политику правительства национального освобождения и прибегают к подлым методам, чтобы нанести ущерб освободительному процессу. С помощью активно вмешивающегося в дела латиноамериканских народов ЦРУ им хотелось бы повторить в Никарагуа «чилийский вариант» — помешать экономическому возрождению, вызвать хаос и беспорядки, чтобы попытаться свернуть страну с революционного пути.

Задача объединения всех демократических антиимпериалистических сил приобретает в этих условиях первостепенное значение. На повестку дня политической жизни Никарагуа поставлен вопрос о создании Патристического фронта, который должен объединить все силы единого воле, что предан делу революции. В Латинской Америке и во всем мире ширится движение солидарности с борьбой никарагуанского народа.

Вместе с тем укрепляется и международный авторитет молодой республики. Историческим назван визит правительственно-партийной делегации Никарагуа в СССР официальный орган СФНО «Барригада». По словам гостя, он еще раз продемонстрировал чувство боевой интернациональной солидарности советского народа с никарагуанской революцией.

В ходе плодотворных советско-никарагуанских переговоров была достигнута договоренность о развитии дружественных отношений на основе строгого соблюдения принципов равноправия, суверенитета, взаимного уважения и не вмешательства во внутренние дела друг друга. Подписанные документы свидетельствуют о практических шагах, направленных на налаживание торгового обмена и экономических связей, на развитие культурного и научного сотрудничества между обеими странами. План связей между КПСС и СФНО открыл стремление обеих стран к развитию дружественных отношений на благо советского и никарагуанского народов, в интересах мира и социального прогресса.

САДУ... ЕСТЬ, С...!

Н. В. ТОМСКИЙ,
президент Академии художеств СССР,
Герой Социалистического Труда,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской и Государственных премий,
депутат Верховного Совета РСФСР

И снова март... Тонко звенит хрустальная капля. По нездравому голубому снегу мальчишки гоняют мяч. В лазурной выси строгое, но все-весеннее жесткое светило... Год активного солнца. Высокий год. Может быть, поэтому так loudly шуршат полосы мши зарубленной прессой, может быть, именно потому так надменно звучат голоса «свободных» радиостанций, призывающих всех и вся к ревизии, к «мучительному пересмотру», «озабоченности»...

А весна идет. И гудит, гудит теплый воздух от нагретых плит древних мостовых. Моя внучка Анячка играет с куклой. Пряно пахнет солнцем, миндалем, пропитательно озаряет нас сияющая свежесть подснежников. Когда наступит вечерняя зоря, у домашнего очага сидят за ужином миллионы людей после обычного трудового дня.

Но что это? Я явственно слышу нудный визг, доносящийся из-за океана. Да. Какие-то странные чудачи усердно пилят едва зазеленевшую ветвь, на которой они довольно уютно расселись. Пилят истово, аж летят опилки, и недоумот так мим, когда дерево не выдержит злой работы... сук подломится.

В самом деле, что это? Или человечество, Европа забыли укасы второй мировой и поэтому так легко вошли публикуют в газетах и журналах бредовые речи фюрера, где с легкостью необщительные доказывают необходимость снести с лица земли Москву и Ленинград, стереть с карт вообще Советский Союз... Видно, мало крови было пролито в ту неуютную битву, когда десятки миллионов людей навеки закрыли глаза, миллионы семей потеряли кормильцев, сыновей, отцов...

Нет, джентльмены! Вам, хладнокровно раскладывающим пасьянс третьей мировой, да будет известно — мир стал иным. И призрачного счастья быть со мной их астробом, пугающим зарю своим чудовищным клеточком, еще недостаточно, чтобы остановить ход истории. Недостаток людей поверить, что ложь, демагогия и власть чистогана «железного Миргорода» земля обетованная, рай земной. И что только глубокие вымыслы бетонных тоннелей, измученные ракетными ракетами с десятками боеголовкой, способны снести планету.

Геростраты двадцатого века, отчитесь! Ведь не храм Артемиды в Эфесе тронуть вы поджечь и тем обрести позорную славу.

Когда грочит больше колокола термозада, то страшная радиация не оставит судей, чтобы проклясть безумцев, прагматично пылавших высчитать вероятность гибели миллионов живых. Демоны трелей, ядерной не пощадят никого, и мы не узнаем, по ком звали колокол, давший сигнал к первому нажатю супернокии.

...Недовоо Соединенные Штаты сорганизили от катастрофы на мирной атомной станции, но ведь это была лишь невинная вставка спички по сравнению с пожарами ядерных костров, в которых сгорят цивилизация и сам человек.

Цивилизация. Сколько говорят нам седые камни Древнего Рима, старого Парика и родные лесы...
Вспоминую ночь у Коллизея. Ледяной ветер. Огромные блоки извещенного временем мрамора. Черное небо и оскал руин античного цирка.

Синтиксинская капелла — подвиг Микеланджело и его «Страшный суд» — гениальное произведение мастера. Как можно представить себе Европу без Нотр Дам или Василия Блаженного, Диора или Рублева?.. Но лощение владельцев уникальных американских частных коллекций, может быть, думаю, что их Рубенсы или Эль Греко переживут катастрофу... более кощунственное мышление трудно себе представить.

Наш народ любит и уважает талантливых и трудолюбивых народ Америки, его своеобразную культуру. Мы высоко ценим добродушный умор Марка Твена и О'Генри, музественных героев Диккеса Лондона. Многие увлекаются интересными, яркими и остринными произведениями Теодора Драйзера, Эрнста Хемингуэя. Мы чтим высокохудожественную поэзию Лонгфелло, Уолта Уитмена, Роберта Фроста.

Не может не импонировать нам деловитость и технический дар американцев. Мы помним музественные слова правды американца Джона Рида, автора «Десяти дней, которые потрясли мир» — очевидца событий Великого Октября.

...Я лично близко знал и дружил с выдающимися борцом за мир, прекрасным художником и писателем Америки — Рокуэллом Кентом, который был в свое время избран почетным членом нашей советской Академии художеств. Все его творчество было проникнуто высоким духом гуманизма. Кент был предельно честен и чист душой, его идеалы интернационализма были близки, родственны всем нам. Глубоко реалистические произведения живописца дышали любовью к природе, земле и Человеку...

Многие мои коллеги посещали Америку, знакомились с сокровищами ее прекрасных музеев, находили творчески и дружеские контакты с представителями американского искусства и культуры. Казалось, что наступает наконец пора дружеского взаимопонимания, полезного общения и обмена художественным и научным опытом. Все это обдаживало народы, рисовало светлую перспективу прогресса, общего движения и роста цивилизации наших стран. Сокращая лучшие собрания Советского Союза — Эрмитажа, Третьяковской галереи, Русского музея — экспонировались с успехом в Штатах. В свою очередь, мы охотно пропагандировали шедевры музея Метрополитен и других американских коллекций. Длительные очереди на эти выставки являли интерес к обмену культурными ценностями наших народов. Не меньше были успехи в делах современной науки и техники, из взаимного обогащения опытом, знаниями. Кого из людей не радовал совместный космический полет «Союз» — «Аполлон»! Но это, к сожалению, не все привело в порядок. Творческие дружеские связи кого-то ввергли в ярость. И силы для пришли в движение...

Несколько лет тому назад являлся непредрешенный человек замечал, что добрые дела и истинно полезные действия поднимаются демагогической трескотней и худолыми мифическими вымыслами некоторых американских политиков. Создавалась атмосфера подозрительности, страха. Нагнетался военный кошмар, начали побуждать пресловутую «кстропеку». За последние время многие перестали понимать, верит в добрые намерения Штатов так порою суеверно и неопытно, а иногда бестактно были некоторые акции представителей этой большой, сильной и уважаемой страны.

Мы любима свою великую Родину и советский образ жизни, но не собираемся экспортировать наш государственный строй в Соединенные Штаты Америки. Наш девиз — ленинская политика мира и мирного сосуществования народов. Мы достойно, спокойно и последовательно придерживаемся этой линии.

Логика, гуманность, спокойствие и вера в идеалы мира — вот как история планеты отменила шаг нашего государства за первый день его основания, когда начальным декретом нашего народа был ленинский Декрет о мире.

Джентльмены! Ваши пламенные споры о переизбрании президентов, о нехватке нефти или об инфляции — это личное дело любого гражданина Штатов, но судьба нашей малюсенькой Земли не должна быть в руках у слабохарактерных или неустойчивых людей, порою забывающих священные договоры и тупо рукопожатия.

Мир недешев! Сегодня как никогда ясно: пожар новой холодной войны не позволит кому-то третьему откатывать каштан из огня. Кстати, подобные расчеты некоторых господ были опровержены в сороковых годах нашей века.

Во имя здравого смысла, во имя жизни детей наших и самой Земли отчитесь, господа, и перестаньте играть с огнем. Ни формулы «быстрого реагирования» или «глобальной ответственности», ни другие амбициозные трюкачество, вполне годные для телевизионных шумных шоу, не годятся для широкой аудиторией добрых людей нашей планеты.

Никто не собирается доказывать, что березы Грязинских лучше и красивее, чем секвойи Аризоны или пальмы Флориды. Пусть живут в своем мире все народы Земли — белые, желтые, черные. Главное, не называть нам свой единственный годный, как вам кажется, образ жизни.

Что же касается до любителей исторической миссии, которым сегодня неуютно в мире, где не режут אותו вихрь, то мы стоим с вами, зать со всей серьезностью и суровостью, свойственной истинно сильным людям: человек должен понимать демагогию, фальшь и лицемерие вашего мнимого добродетельства. Слишком неожиданные приурты, несомненные солидные политиканы, выделяете вы во нас ложной славы поборонок и облегчитель судьбы жизни рода людского, что неслучайно, а именно в ваших терминах... Все чаще и чаще слышим мы в западной печати слова о разрывании неких карт, о «удаче нестабильности» и прочих восточных формулах. Нам, гражданам мира, парнейшей не одну страшную войну, в год 1980-го, мы сами переживали славную Кулунковскую битву и Русь, не оди раз спасающую Европу от грозных нашествий, удивительно глупеть, с какой легкостью жонглируют ныне заокеанские политиканы судьбами старых континент-

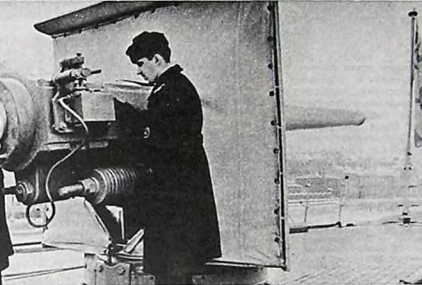
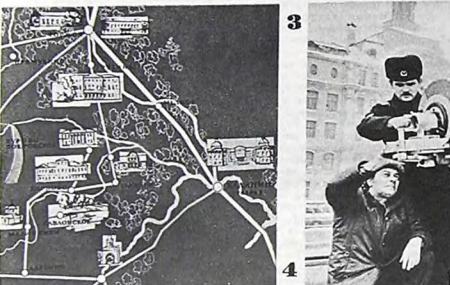
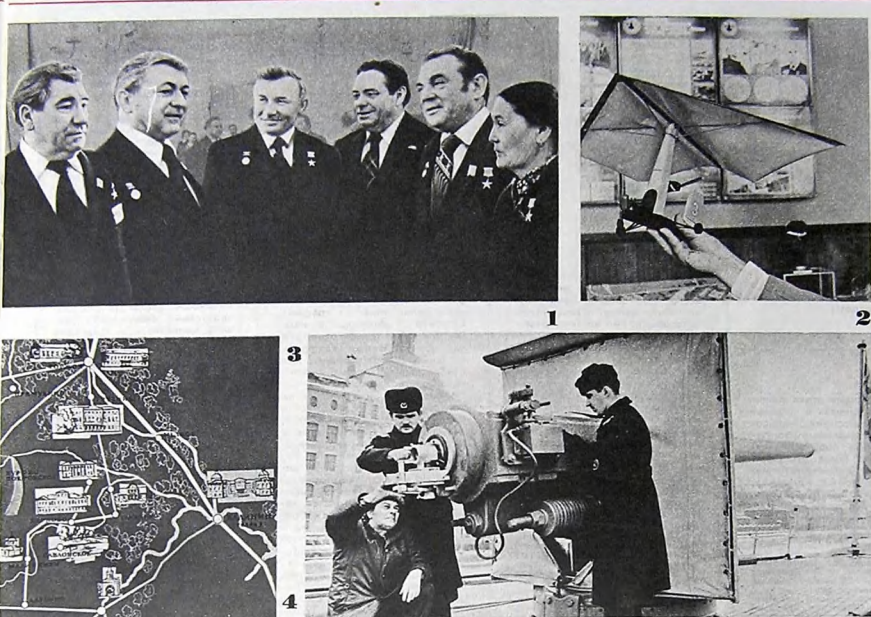
Прилєв.

ФОТО А. Гостева

Фото автора

РЕПОРТА

ИНТЕРВЬЕ

ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ

— Сейчас на Пушкинском молке Верхневолжья два музея Пушкино — в селе Верховое и в Торжке, — сказала на заседании секции охраны памятников истории и культуры московского Дома ученых АН СССР Генеральный директор объединенного историко-литературного и архитектурного музея Каннинский области И. М. Брунштетинский. — В ближайшем будущем мы приступим к планомерной реставрации парков, связанных с пребыванием в них великого русского поэта. Недавно в «Юности» был поднят вопрос о судьбе замечательной усадьбы, сохранившейся вблизи Торжка, усадьбы, построенной архитектором русским зодчим И. А. Лыковым, — Знаменское-Рабино. Это один из лучших памятников русской архитектуры на каннинской земле. Сейчас ведется, хотя, быть может, и не очень интенсивно его реставрация. Мы надеемся, что со временем и эта усадьба подобно уникальной деревянной церкви Вознесения, несколько километров южнее возведенной в Торжке над рекой Твердой, вновь станет украшением нашего края.

В здании зала московского Дома ученых собралась в этот вечер ученым, писателям, художникам, реставраторам, музейным работникам, чтобы еще раз обсудить о Пушкинском молке Верхневолжья. Из каннинского молка приехала представительная делегация сотрудников объединенного историко-литературного и архитектурного музея, ежедневно работающих

над выявлением новых пушкинских материалов, реликвий, связанных с жизнью поэта, его друзей и современников на тверской земле. — Каждый год приносит нам новые находки, — рассказывала заведующая литературным отделом музея Л. А. Казарская, — но так давно мы приобрели целую коллекцию материалов, связанных с именем М. Бакунина и его семьи, живших в имении Примухино. Нам приятно видеть в этом зале профессора Д. И. Вульфа и инженера Л. Н. Вельмешева, чьи фамилии не чужды каждому, кому близка и интересна пушкинская эпоха.

Сейчас Пушкинское молко Верхневолжья — один из интереснейших литературно-мемориальных комплексов в нашей стране. И тот, кто он существует, действует, развивается, большая заслуга Каннинского облкома КПСС и облисполкома, уделяющих очень большое и заинтересованное внимание прошлому своего края.

О том, как создавался Пушкинское молко, рассказали на встрече писатели Л. Нерсисян и А. Пылов, авторы книги, посвященной Пушкину на Тверской земле. Вскоре лето, и тысячи людей вновь поедут по пушкинскому маршруту и, как и собиравшиеся в этот вечер в Доме ученых, будут благодарны всем, кто усиленно трудится на Пушкинском молке.

В. ПЕТРОВ

На с. 1 и 2: схема Пушкинского молка Верхневолжья.

ЛЕНИНГРАД

ОРУДИЯ ГРОЗНАЯ КРАСА

Весной 1900 года со сталева «Новое Адмиралтейство» в Санкт-Петербурге был спущен на воду корабль, имя которого навсегда вошло в историю. Ему выпала трудная судьба: Цусимское сражение, дальние походы сквозь шторма Атлантического и Индийского океанов, боевые долеры в бесплодных водах военной Балтики... Ему выпала легендарная судьба: поздним вечером 25 октября (7 ноября) 1917 года выстрел революционной «Авроры» возвестил о решительном штурме последнего оплота Временного правительства.

Героический крейсер Красногвардейской флотилии остался в боевой строю. И, несмотря на возраст, в годы Великой Отечественной войны он внес свой вклад в общее дело Победы. Служил с «Авророй» артиллерийские установки вели конструкторский огонь по фашистским войскам, равнявшимся и непокорным Ленинграду, а небольшие экипажи, оставшиеся на корабле, с помощью зенитной артиллерии отражали прострелы бомб и вражеской авиации.

После войны, завершив многочисленные рейсы, крейсер встал на вечный прикол у набережной Большой Невы — напротив здания Нахимовского училища. Ничего он не встречает, восмидесятилетнюю службу для рес-

тавационных работ сюда пришли специалисты Каннинского судоремонтного завода, рабочие из Кронштадта. Приведены в порядок судовой котел, вспомогательное оборудование, отремонтированы надстройки, переоборудованы мосты, установлены системы внутренней равномерной связи, новый парадный трал.

Затем специалисты проводят работы в Ленинской комнате: помещения музея, залуется восстановление наружной обшивки надводного борта. И еще: если сейчас для обозрения представлено одно самое оружие, то после завершения модернизации представят и остальные орудия верхней палубы — те, что участвовали еще в знаменитом Цусимском бою.

Большая часть реставрационных работ будет выполнена к 22 апреля — дню рождения В. И. Ленина.

О. ПЕТРУЧЕНКО, собор «Юности»

На с. 1 и 2: орудия головного калибра ремонтируются в Кронштадтском Морском заводе. Слева И. В. Шинюнов помогает отсчитать боевой и политической подготовки экипажа. В центре — капитан Пуговкин и матрос Е. М. Кудрявцев.

Фото Ю. Щенникова

ОН СЛУШАЛ ГЕНЕРАЛА

1870—1980

Б. ЛАБУТИН,
специальный
корреспондент
«Огонька»

— Перед нами стоял пожилой на вид человек в стареньком темном костюме, невысокого роста, с рыжеватой бородкой. Огромный лоб увеличивался записками. Глаза его смотрели на нас доброжелательно и в то же время изучающе. Голос мягкий, приятный. В первую минуту я даже не понял, что это и был Ленин.

Несмотря на преклонные годы, польский ветеран Антоний Петровский предумножно проводил меня по ленинским местам Кракова. Мы идем мимо Краковской Паланты, мимо красивого университета Ягеллонского университета. Сюда в июне 1912-го пришли с козлада Ленин и Крупская, здесь их ждали, чтобы помочь устроиться в незнакомом городе. Эти стены да старые камен и плиты помнят тот день. А рядом со мной человек, память которого хранит живой образ Владимира Ильича, живое ленинское слово. Он встречается с Лениным в Петербурге в апреле тысяча девятьсот семнадцатого.

Сколько мне было тогда! Двадцать два. За плечами год в царской армии, ранение на Кавказском фронте. В марте семнадцатого я вернулся в Петроград сдавать дипломные экзамены в Институте гражданских инженеров, поступил туда еще до войны. Помню, институт находился на улице Вторая рота. Шестнадцатого — по повелению двадцать девятого — апреля получил диплом и отправился с товарищами прогуляться по городу. Стояла чудесная пора, а на душе было не радостно. Вместе с дипломом в кармане лежало новое назначение на фронт. Перед обаянием Кшесинской мы увидели рабочих, солдат, матросов. С балкона кто-то говорил, Я прислушался. Война, которая ведется сейчас, несет лишь новые страдания народам. Она является продолжением политики эксплуатируемых и служит охране их прибылей; пролетариат, взяв власть в свои руки, должен предложить мир всему миру, говорил выступавший. «Кто этого?» — спросил я стоявшего рядом солдата. «Ленин», — ответил тот, едва взгля-

нув на меня: «не мешай!» Сейчас уже не могу передать всего, что говорил Ленин, но не забуду фразу, обращенную, казалось, прямо ко мне: разве есть смысл прямо со студенческой скамьи посылать молодых людей на фронт, чтобы они убивали и погибали сами? Вдруг к нам подошел матрос, перепоясанный пулеметными лентами: «Владимир Ильич просит студентов к себе!» Мы стояли с краю, все в одинаковых студенческих тулках, видимо, Ленин заметил нас. Со мной было человек десять, но с матросом пошел только четверо — то, кто, как и я, побывал на фронте и кто реч Ленин не могла не задевать за живое.

Приехав в Краков, Ленин, Крупская и ее мать Елизавета Васильевна сняли квартиру из двух небольших комнат на улице Земкевич, 218. В этом году здесь открывается филиал Краковского музея В. И. Ленина. С любовью и тщательностью воссоздана обстановка, в которой жил и работал Владимир Ильич: узкие железные кровати, два простых стола, этажерка, несколько стульев и табуреток...

— Мы прошли длинным коридором, — продолжает Антоний Петровский, — поднялись на второй этаж в просторную

комнату, в которой уже были несколько человек, кажется, военных. Ленин вошел с балкона, налил воды из графина на столе и обратился к нам. Он подробно расспросил, кто мы, что происходит на фронте, о чем говорят солдаты, как относятся к офицерам, интересовался солдатским бытом. Первое, что поразило меня тогда, — это личная скромность Владимира Ильича. Понятно, мы шли к нему не без страха. Газеты писали о «злейшем враге России» — какая же это должна быть значительная фигура! Но ни разу за время разговора Ленин не показал чеплю своего превосходства, наоборот, его простота, доброжелательность создавали атмосферу равенства. При этом это была не та простота, с которой, бывало, люблю поговорить с «братцами солдатами» наш лагерный командир грал Келлер. Узнаю, что и поляк, он тепло отзывался о моих соотечественниках и сказал, что в ссылке хорошо знал двоих — Промского и Ковалевского, со многими познакомился в Кракове и Поронине. И тут я решился задать вопрос, меня особенно волновавший: будет ли независимой Польша? Владимир Ильич прошелся по комнате, заложил руки в карманы, внимательно посмотрел на меня и ответил, что Польшу аннексировали цари и капиталисты. Рабочие и крестьяне не заинтересованы в трагедии других народов. Советская власть предоставит каждому народу свободно решать, желает ли он жить отдельно или совместно с другим. Ответ Ленина мне очень понравился. Спросил, когда мы отправимся на фронт, он сердечно попрощался с нами, а меня попросил прийти сюда завтра.

Когда мы вышли, перед зданием еще был народ. Люди разбились на группы и горячо обсуждали только что услышанную речь. Я и сам находился под ее впечатлением и все пытался объяснить себе, почему. Выступал Ленин без каких-либо ораторских приемов, слова его были обыкновенны, даже сухи, без украшений и пышных сравнений. Емкие, точные фразы поражали ясностью и логикой. Ощущение было такое, что он говорил не перед многолюдной толпой, а

именно с тобой, о твоем نابелшем. Помню, я еще убавился: незнакомый мне человек, которого я видел первый раз, так верно угадал мои мысли... На следующий день, когда я пришел в обаяние Кшесинской, меня провели в ту же комнату. Владимир Ильич что-то писал за столом. Он поздравлялся со мной за руку, как со старым знакомым, и протянул ланку брошюры, штук пятнадцать. Остаток средств предоставят. Одним из средств сократить бессмысленную войну народов Ленин считал атакацию среди солдат на фронте. Я оставил свой адрес — станция Оржев, 21-й туркестанский полк, отряд саперов. Через месяц я был уже там. Брошюры распространял через солдат, которых отличал Ленинское слово действовало неотразимо. Обсуждение брошюры выливалось в стихийные митинги. Многие дезертировали. Два-три раза ко мне приезжал курьер, передававший новые партии брошюр и листовки. Пароль у нас был — «Подарок от Матильды».

В 1918-м вышел ленинский декрет, отменявший все царские договоры с Польшей. Сбылось! Вскоре Антоний Петровский вернулся на родину. Он поселился в Кракове и работал по специальности, получив в России — архитектором. Десятки зданий в городе построены по его проектам. Одно особенно памято для ветерана.

В январе 1945-го город был освобожден от гитлеровцев. Недалеко от Кракова удалось разрушить до основания трехпольную стену. Спасены были исторические памятники, пусть не столь ценные по сравнению с историческими, но все же это, архитектору, профессиональная гордость, дело его жизни. С благодарностью в сердце и готовностью оказать любую помощь шел он с советской командой, кула его вылаза, через несколько дней.

Мне рассказывали о вас как о замечательном мастере. Я знаю, тут существует бывшая женская гимназия. А нам негде развешать раненых. Не могли бы вы перестроить здание под госпиталь? И сколько для этого нужно времени? — сказал командант.

Вскоре госпиталь уже принимал раненых советских и польских бойцов. А там же, в этом историческом здании, архитектор остался значок с изображением Ильича, посвященный команданту.

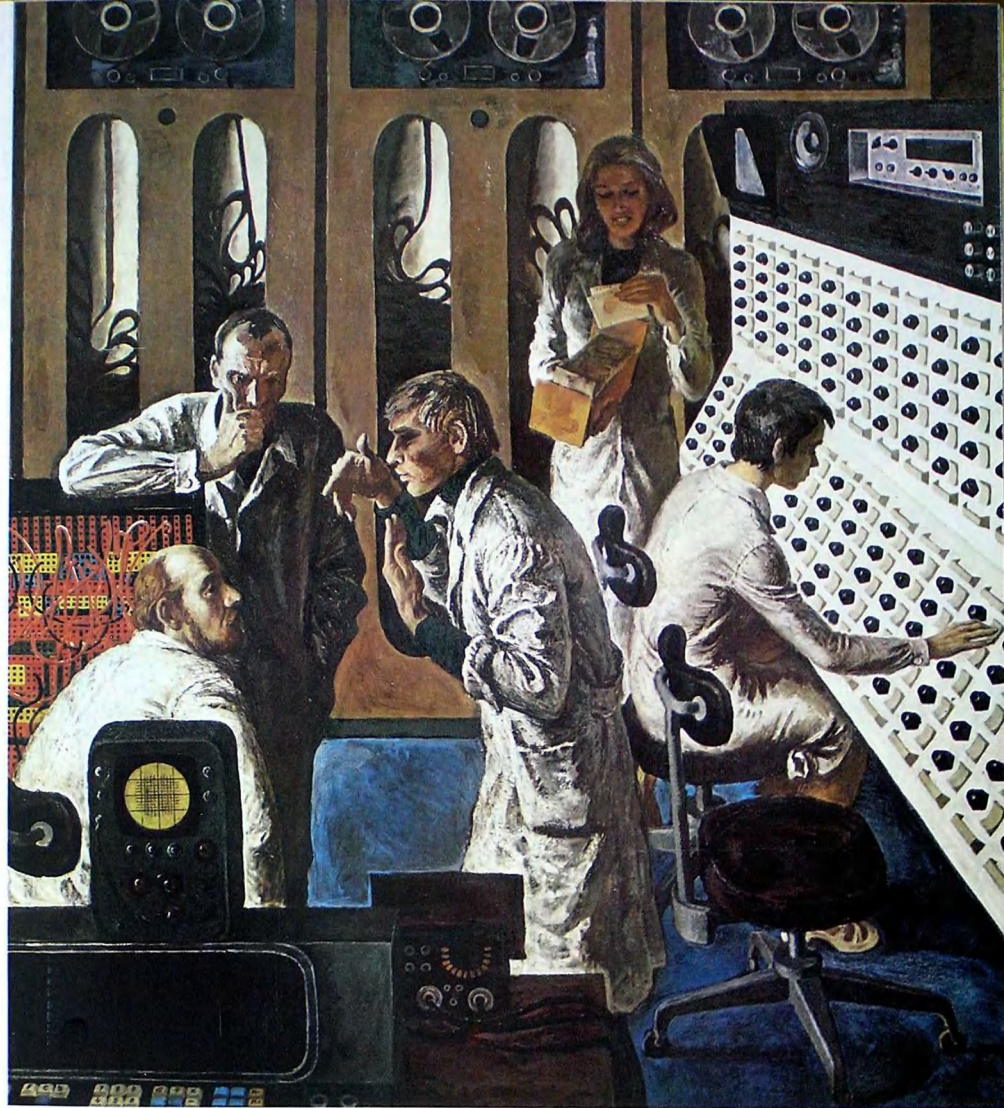
— Наша прогулка по Кракову заканчивается в Музее В. И. Ленина. В нем самая полная экспозиция, рассказывающая о польском периоде Владимира Ильича. Насколько позволяют сохранившиеся сведения, воссоздан каждый из этих дней. Поколение за поколением постигают здесь черты великого образа.

— Пан Петровский, мы вас уже ждем! — встречает нас директор музея. Ему предстоит в просторный белокаменный зал. Краковские молодые рабочие, которым сегодня в стенах музея вручают социальные билеты Союза социалистической польской молодежи, пришли послушать ветерана, встречавшегося с Лениным.

Антоний Петровский.
Фото Э. Суновской

Краков — Москва.

В. Рыжик. Род. 1933. ПОИСК. 1976.

Выставка украинских художников «Навсегда вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

О. Качишвили. Род. 1944. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ. КАРТЛИ. 1978.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Я не люблю, когда молчат часы.
Но стрелки, увлеченные движением,
споткнулись у какой-то полосы,
застыли окончательным решением.
Я так часам привыкло доверять,
что каждый день себя по ним сверяю.
Чтоб к сроку все, что нужно, успевать,
за стрелками по времени шагать.
Отстанут — и с огорчением назад
начну искать потерянное нынче.
Коль не точны, так лучше пусть спешат,
и я, как заведенная, — за ними.

Бывает, согласишься, что бывает —
есть мир желаний, он устроен так:
все ладно, но чего-то не хватает.
Пусть это будет истинный пустяк,
но он своей воспользуется властью
и спрячется в тумане или в пыли.
А рядом — незамеченное счастье
то самое, что ищется вдали.

Пустые дни, как бывшие колоды —
вода из них ушла давным-давно.
И ненароком можно напориться
на серое засохшее бревно.

Такие дни — ох, с ними б не встречаться! —
на пустоту согласия не дадут,
и суетно будет наполняться
крутящаяся мельница минут.

Когда пугает пуста в колоде,
я вспоминаю, что случалось мне
смотреть на торжествующее солнце,
купавшееся в луже на дне.

Нет, не плохо, а даже полезно
вспоминать, ну, хотя б иногда,
не о том, что гремело победою
и давалось почти без труда,
о другом, что совсем не давалось,
излучало волнующий свет,

а потом, ощутив свою малость,
возвращаться к улыбка побед.
Но зачем? Чтоб решенная задача
была с первой попытки верней?
Нет, чтоб впрямь не ценились удачи
выше их настоящей цены.

Столько звуков понятных и странных,
отраженных от каждой стены,
что от них постепенно устану
и захочется мне тишины.
В ней все радостно: и дали и выси,
где играет заря над рекой.
Но порою от собственных мыслей
в тишине растеряться легко.
Словно лампу сменили на свечу —
спотыкаюсь, иду не спеша
по нехоженым противоречьям
под сумятицу звона в ушах.
Нужно время, чтоб с ней подружиться,
или — спутника, с кем помолчать.
Лишь тогда в дневниковых страницах
можно лишнего не замечать.

Мы (это чаще жарким летом),
от городских забот устал,
стремимся к тишине рассветов
среди лесов, лугов и трав.
Конечно, дело непорочное —
забыть о грохоте дорог.
На луговых цветах настоях,
веселый ветер валит с ног.
Опять спешу. Не лечит отпуск
привычку к спеху и к хвори.
Хочу успеть, пока есть пропуск
на вернисаж рассветных зорь,
на соловьиные концерты,
большую ярмарку грибов,
от неудач спрыскать рецепты
у леса, озера, лугов.
Да, не забыть послать приветы
знакомым звездам и Луне.
Поклон! Бродил он рядом где-то,
но не заглядывал ко мне.
Уже дожди стучат по крыше,
забыл о песнях птицин хор.
И я обрядуюсь, услышав
московских улиц разговор.

Мы с природою не на равных.
Годы мчатся, спеша вперед.
Я хочу, чтобы мой правправник
видел быстрых стрижей полет,
чтобы летом веселый тополь
вспомнил белизну снегов,
чтобы правник по лужам топал,
проверяя размах шагов,
чтобы ветру мы так же пели,
чтобы падал рассвет в траву,
чтобы светили для них метели...
А иначе — зачем живу?

ПЕСНЯ

Не понимаю, кто творится.
Легко смеяться и грустить,
как будто поймавшую птицу
могу на волю отпустить.

Ведь у нее судьба иная.
И, надо мною сделав круг,
она залетит, не вспоминая
тепло моих несмелых рук.

Но на какое-то мгновение
я с нею рядом полечу,
за надвешенные терпенье
в подарок небо получу.

Есть у нее такая сила,
как два распахнутых крыла.
Не я летать ее учил,
я только волю ей дала.

Аян НЫСАНАЛИН

НОЧЬ В СТЕПИ

Как после трудового дня
дехквины,
Степь спит спокойно,
в ночь погружена,
Ни звука. Даже ветер отдыхает.
Вдали белеют горы. Тишина.

Мне грустно — оттого ль,
что, горжанин,
В края степные я вернулся вновь?
Вдур —
Тишину пронзающее ржанье!
И закипела, забурилась кровь!

И будто вродь родные песни
слышу.
Душа моя взволнована опять.
О степи! Ты нас прости, тебе
забывших
В чужом краю. Прости за все,
как мать.

Ты нас пойми и не суди сурово
Сынов своих, воспитанных тобой,

Сменивших край раздолья лугового
На ступоку жизни городской.
Нас, как зерно, взрастившая
когда-то,
Оставивших твой благодатный
край,
Прости за все.
Да будет он богатым!
Да будет щедрым
новый урожай!

РАССВЕТ

Как радостно от сна освободиться
И очутиться на миг,
что все смогу!
Когда зоря,
Как рыжий лисичка
На белом, ослепительном снегу.
Еще мгновение,
и она проснется,
И полетит по снежной целине.

Уже спешит заре вдогонку
солнце —
Огонь-джигит на розовом коне.
Волшебный миг! Минутное
прозраенье.
Опережая солнце и рассвет,
За огненной лиственницей
время,
Как гончая, напавшая на след.

И есть такое древо на земле,
Великое,
Оно — род человека.
Я только ветка на его стволе,
В грядущее протянутая ветка.

Рубили древо, а следы на мне.
Железом жгли мои пылал
словом —
Я выстоял
И не горел в огне,
Символ семь смертей прошел,
а ночью — снова!

И вот стою я на семи ветрах,
Раскинув крылья-ветви в небо
снем.
И надо мной не властен
смертный страх,
Пока земля меня питает силой.
Я буду жить, пока на земле
Есть древо жизни — древо
человека.
Пусть я лишь ветка на его стволе,
В грядущее протянутая ветка.

Перевел с казахского
Александр ЖУКОВ.

Марк БАРИНОВ

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЗНАКОМСТВУ

Я еще не раз буду спорить с Натальей Федоровной Мартыановой, доказывать ей, что она — несчастный человек, что ей очень повезло: нашла свое дело, «само», самое, которое необходимо ей как воздуха и котормору, что, наверное, еще важнее, она сама необходимая вся без остатка.

А может быть, и не надо спорить, не надо доказывать! Пусть остается такой, какая есть, со своими убеждениями и предубеждениями. Может, именно в этом и состоит ее сила, обаяние — залог успехов и побед!

Но какая амплитуда чувств, свойства характера! От полного не верия в свои силы до всепоглощающей, торжествующей уверенности, почти фантастической, в достижении цели да еще помноженной на какую-то прямо космическую энергию!

торжестве «Первого звонка» предполагало ограничить тридцать уроков в неделю.

Василий Иванович преуспел в школе, осматривая классы, рекреации, стелды, давая беседы с учителями и школьниками около четырех часов. А потом попросил прислать ему подробную справку обо всех сторонах жизни школьного коллектива, сделать фотографии, показывающие работу и учебно-творчество. Уезжая, пригласил ребят к себе в кабинет.

Ребята привезли в подарок обуюмошкый альбом с фотографиями и опять долго беседовали с первым секретарем обкома: вместе «запланированных» десяти — патнадцати минут больше двух часов! А в конце беседы В. И. Конотоп сказал, что непременно еще придет в Кострово вместе с товарищами из других городов и сел области, чтоб познакомиться с опытом работы этой школы.

Есть в Истринском районе Московский обком такое село — Кострово, центр небольшого животноводческого совхоза. Специальность — откорм мясного скота. Хозяйство не образцовое, но и не из последних, скажем, выше среднего.

Есть в Кострове средняя школа. Тоже небольшая — триста учащихся. Десять лет тому назад она была создана на базе нескольких деревенских школ. От «старых» пять лет своего существования прочно «заволевал» в районе последнее место по всем статьям: по успеваемости, дисциплине, общественной работе и т. д.

Как раз в это самое время Наталья Федоровна и предложила «высокий пост» директора печально известной школы.

И о муж был прав. Но только... в одном можно бы его упрекнуть: в том, что он не смотрел, кого брал в жены. С такой, как она, ведь уклад семейной жизни должен был весьма неординарный. Требовать жизни «как у всех», «как у людей», от такого человека и бессмысленно, и безнадёжно, и в конце концов жестоко.

Она пришла с сыном Алешей в Кострово надолго и всерьез. Получила от совхоза квартиру и без оглядки взялась за школу. И сразу пошла трудиться. Какое! Почему? Тогда она не пыталась понять, а просто, как обычно, руководствовалась здравым смыслом. Кстати, думается, понятие «здравый смысл» требует уточнения. Когда здравый смысл работает в плане эгоистическом, то получается образный обыватель, Премудрый Пескяр. А когда здравый смысл обращается на любимое дело, то... возникает бесконечное трудолюбие, борьба, без которой нет у творческого человека ни радости, ни побед. Словом, трудное, очень трудное счастье. Но ведь другое, легкое, и не нужно настоящему человеку.

Она ставила перед собой, перед педагогами, перед учениками и родителями простые, да же какие-то неприличные своей примитивностью вопросы:

— Почему неинтересно ребятам на уроках? Почему формально, вяло идет ознакомительская и поисковая работа? Почему равнодушны к школьным делам родители, школьная общественность? Почему такой солидный процент районных правонарушений — собственноручные кустовские ребята? Почему нет спортивной работы в школе, расположенной рядом с лесом, на природе, где естественный ста-

на уроках, дискуссии, которая бы захватывала весь коллектив, тягивала в мыслительный процесс всех без исключения — от преподавателя до последнего дваченика. «Но это трудно, да же невозможно!» — возражали. «Конечно, трудно», — соглашалась Наталья Федоровна, — но вполне возможно и очень результативно! Она утверждала это, опираясь на собственный опыт в педагогике. Там ее уроки литературы ставили, в пример, о них писали в газетах, по ним учились педагоги из других школ, из других районов. Но ведь именно потому она и работала чуть ли не сутками вместо положенных часов — так занятия надо готовить капитальные, чем обычные уроки обычных педагогов. «Ведь мы рядовые, мы не герои!» — говорил ей. Но этих возражений она не принимала, требую от всех учителей если не героизма, то, во всяком случае, самоотверженности и утверждая, что самоотверженность — необходимое качество педагога.

Ушла из школы заведующая учебной частью. Уволилась старшая пионервожатая. Споры с педагогами продолжались, а дело, в общем, не двигалось. Мартыанова, продолжая неуклонно вести свою линию, по ежедневным делам, напряженно искала тот ключ, которым можно разокнуть весь узел проблемы. Нужна была одна — основополагающая идея, но такая, которая определяла направление на новую для всей школы жизни. Сделала бы интересные занятия, укрепила дисциплину, увеличила педагогический коллектив, сплотила учеников, заинтересовала родителей, связала бы дела школьные с жизнью совхоза.

Не в ней ли, в такой вот амплитуде, и заключается секрет Мартыановой? Ведь она — открытый человек, и люди (прежде всего дети!) видят ее, как говорится, «сквозь». Хорошо, конечно, когда тебя ведет по жизни несгибаемый руководитель. Но если старший родитель и сам нуждается в твоей поддержке, помощи, совете, сколько сразу сил, гордости, уверенности поднимается в душах младших, помощников!

Общаясь с Натальей Федоровной, я не раз думал, что глубочайшее расстройство, сменяющее высочайшую радость творчества, наверное, естественное эмоциональное состояние для педагога. И вспоминал подобные состояния, с предельной искренностью описанные Антоном Семёновичем Макаренко.

«ПРОСТО» ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

1 сентября 1979 года в костровскую школу пришел Василий Иванович Конотоп, первый секретарь Московского областного комитета партии. Его участие в

Нет, она не была опытным директором. И по возрасту и по статусу весьма далека от «магистро-го» специалиста. Несколько лет учительства, комсомольская работа на селе — вот и весь ее профессиональный опыт.

А кроме того, была у нее на тот момент разбитая семейная жизнь. Муж сформулировал свою главную претензию кратко и весомо: ты никогда не бываешь дома! И ведь не опсиришь: она действительно трудилась взахлеб, почти сутками пропадая в Истринском педагогическом училище либо на комсомольской работе в районе. Потому что в любом деле искала — и находила — свои, необычайные, но очень эффективные методы работы. Тогда она еще не задумывалась над теоретическим обоснованием своих новаций, а просто делала так, как подсказывал здравый смысл. Но не считаясь со временем и силами. Перефразируя Горького, можно сказать, что в мире всегда есть мир и дело для таких людей. А может быть, именно на таких-то мир и держится!

днем, можно сказать, вокруг на десятик верст!

Вопросы раздражали, тревожили, беспокоили. Ребята, те быстро раскрыли перед нее сердца. Потому что сразу увидели человека, в котором нуждались, бедями, надеждами. Они от симпатии до соперничества, сотрудничества дистанция огромного размера.

Она очень старалась. Пыталась сделать школу культурным центром села, устраивала открытые вечера отсюда с беседками, концертами, танцами. Тесно сотрудничала с детской комсомольской милицией в Истре. Продумывала все новые и новые интересные дела. Но ничто не помогало, и костровская школа по-прежнему прочно занимала «железное» место в районе. Приблизно, только что теперь в школе был очень бесконечный директор.

С педагогическим коллективом всегда приходилось налегать. Уставшее приходило на обе ноги, а директор требовала вести преподавание по-новому. Она предпринимала метод открытой дискуссии

ВЗРОСЛОЕ ДЕЛО

Идея эта оказалась удивительно простой. Впрочем, такая она кажется теперь — путь лет спуска. А в то время, несмотря на ее простоту, логическую ясность, полноту, да же, наверное, и Мартыановой потребовались годы борьбы, предельное напряжение всех сил и... море тайных слез, пока наконец дело получило признание.

Как-то неудобно было писать о том, что такое простое дело — трудовое воспитание — стало основой успеха костровской школы и причиной стольких трудностей для Мартыановой. Вряд ли да же, наверное, и известное трудовое воспитание, школьные производственные бригады на селе — полеводческие, бригады по уходу за животноводством, о них уже говорили и писали. Все так, только у костровцев был один маленький нюанс.

Сначала и Наталья Федоровна не придавала значения этому самому нюансу. Ход ее размышлений был направлен на животноводческом совхозе дети должны приоб-

щаться к труду родителей. Следовательно, надо создать школьную производственную бригаду по отбору телят. Но как только началось обсуждение, обсуждение с ребятами, с педагогами, с руководителями совхоза прости- ся шаги для осуществления этой идеи, инсайд «показал ко- ги».

Смысл в том, что все нынеш- ние школьные производственные бригады в основном полководче- ские, то есть работа в них сезон- ная, а проще сказать, эпизодиче- ская: летом — работа, а потом обычное учение в школе. В жи- вотноводстве дело совсем иное. Тут требуется упорный, каждо- дневный труд круглый год — без выходных, без праздников. Работа самая что ни на есть незрелая, а ответственность не школьная, а вполне реальная. Словом — все гораздо труднее. Немного труднее!

Вот почему это досконально объяснили, тем более что она городской человек. И дирекция совхоза, и родители-животновод- цы, районные руководители. Разъясняли, что отбор новорож- денных телят — дело тонкое, не- легкое, что для ребят, людей без навыков, без элементарного чувства трудовой ответственности, сотню телят — дело очень риско- ванное. Загребать теленка — это еще далеко по сравнению с по- лунить! Даже под руководством опытных специалистов все равно риск! И где, кстати, их взять? Будут учителя-ученики? Телятнич- еские из нагрузки ни к чему, у них своих забот хватает. У зоотехни- ков такое же положение — не до ребят.

В общем-то и для школы идея животноводческой бригады тоже

репери Истринского горкома КПСС В. С. Захаров. Будучи по образо- ванию специалистом сельского хозяйства, он с интересом и со- чувственным следил за начинанием в колхозной школе. Он преду- предил Мартынову о том, какую труднейшую задачу берется она решить, но в то же время под- твердил: идея превосходная!

В совхозе Мартынова консуль- тировалась со специалистами, а в школе снова и снова шли собра- ния, долгие дебаты с учителями и родителями. Идея была принята. Ребята приняла предложение создать бригаду с восторгом: еще бы, настоящее, взрослое дело! Что же касается трудностей — по- нятности, беспрерывности по- стоянного внимания к мелочам, — обо всем этом, столь ненавистном для подростков, они просто не думали. Потому что не пробаовали.

Зато родители колебались. По разным причинам. Были и такие, кто не хотел «грязной работы» для своего великодушного ребенка, и такие, кто просто не понимал для чего ребятам дополнительная нагрузка, и такие, кто сомневался, смогут ли их школьники хорошо ра- ботать на ферме.

Руководство совхоза в общем-то было не против — рабочих рук требовалось, как и всюду на селе, множество, но... И шли опять же долгие ссоры, сомнения, колебания. Мар- тынова слышала уже не раз.

Однако, употребив всю энер- гию, силу воли, обаяние, настой- чивость и бесстрашие, она доби- лась своего! Производственная бригада, сформированная из старшекласников, была создана, с совхозом заключен договор, с родителями выделены шестьдесят новорожденных телят, и нача- лось...

большую работу в совхозе, сочетая ее с успешным учением, и при этом вовсе не перегружаясь, речь пойдет позже, когда я подробно расскажу весь учебно- производственный расклад жизни школы в новых условиях. Но тогда, вначале, новый образ жизни только возник.

Телята требуют к себе внимания ежедневно, два раза в сутки. А если кто-то из звена заболел? Может, и не заболел, а просто прогулял! Или проспал! Или еще проще: надоело! Этих «если» сразу же, мгновенно навалилось на Мартынову столько, что все не переносили! Она черта была, сама без конца бегала в телятник, но не отступала.

Однако нормальный ритм рабо- ты звенца — уже погледла. Грозно и неуловимо встал вопрос по- воляние: кто же все-таки будет руководить звеном? В совхозе руководитель так и не нашлось. Мартынова призвала бы учителя. Откликнулись, возглавив звенья, пошли работать и... быстро выдохлись. Потому что у педаго- гов вообще не бывает свободного времени. Телятнич сдал без остатка и те часы, что нужны для проверки тетрадей, для подготовки уроков, и те, что просто для отдыха...

А как быть с праздничными днями? Все мы помним, сколько дороги для школьников каникулы, праздники, воскресенья. Но телят- ному необходимо внимание, на- смотреть на него. Они ведь не понимают, что такое воскресенье.

Словом, не один комсомолец внятно пожалел о единственно принятом решении. Пыл явно шел на убыль, а с ним и качество ра-

САМА!

Наталя Федорова заявила комсомольцам, что только само- управление может решить проблему. Поспыхали вопросы: как, по- чему, что это значит — самоуправ- ление, а где будут взрослые? Наталя Федорова сказала твердо: самоуправление — это значит... самоуправление! Брига- ду командует Совет бригады. Звенья — звеньевой. И никаких взрослых!

Если вы, дорогой читатель, не сможете сейчас, сию же минуту вспомнить себя, пятнадцатилет- ного, то, увы, не сможете понять и ощутить то, что наделилось на юности: ребята в этот момент! Огромное, страшное и невырази- мую утешительное!

Мартынова сделала очень риско- ванную педагогическую ход. Потому что рисковала не малым, не «понарошку». Она рисковала всем: авторитетом коллектива, собственной карьерой и в конце концов делом. Так может риско- вать ни авантюрист, ни даже очень талантливый человек. Я больше не буду прозвонить это слово (дававшая слов, ставшее да- вальным делом), но убежден, что оно, безусловно, справедливо по отношению к Мартыновой. Талант проясняется через интуи- цию, инстинкт, его нередко сразу и не может объяснить причину своих поступков. Почему Наталя Федорова так рисковала? Почему она так рисковала? Телятнички бригады устранила взрослых, а самоуправление! Потому что присутствие взрослых сорвало бы формирование школьного коллек- та, прочно установившиеся детские представления: за все отвечают взрослые, а вот их милая без-

И НАЧАЛОСЬ

делек не безупречна. Специалист по животноводству шатаем, разумеется, не предусотриет. И как будет влиять на подростков труд в телятнике, среди рабочих, у ко- торых язык и манеры далеки от педагогических критериев, тоже будет видно со временем. Каким образом поддерживать дисциплину в школьной бригаде, когда и в классах дисциплина далеко не блестящая — вопрос более, чем открытый... И так далее и тому подобное...

Но, странное дело: чем больше шла работа, тем больше укрепля- лась в мысли: да, она права, да, бригада должна быть!

Работа вместе со взрослыми! Производственная ответственность наравне со всеми коллективом со- вхоза! Участие бригады в обще- ственном деле, на одной из важнейших позиций народного хозяйства! Вот она, эта главная задача — осуществление которой, директору школы, стоит бо- роться, пока хватит сил.

В то трудное время раздуши я ее очень подливал первый сек-

И НАЧАЛОСЬ

Первый визит к телятам — в пять, тридцать. Надо вычистить «квартиру», накурить подпол- ных. Потом вернуться домой, сме- нить рабочую одежду, готовить завтрак, поесть, помыться, и в это время, как бы опоздавшая явиться на занятия! Такой же трудовой цикл вечером. И так целую неделю. Звено на вахту заступают другие звенья.

Не забуду, что это делают юные люди, у которых школьная нагрузка, такая же, у их сверст- ников, а она, эта нагрузка, по подсчетам социологов, несколько не меньше, чем нагрузка взрос- лого трудового человека. И не меша- ешь учесть, что это сельские ученики, многие из них живут не в деревне, а в других деревнях, для них дорога до школы в непо- гуду тоже проблема.

О том, как они рассчитывали время, как нашли возможность ве-

боты. И тут забил тревогу совхоз: пора начать эксперимент, дело пахнет крупными неприятностями!

Представьте себе положение Мартыновой: и людей, и обстоя- тельства против. И те, кто злорад- но смеется, и те, кто хотел бы помочь, да видит бессмысленность затеянного, и те, кто вместе с нею сокрушается, переживает... Наверное, только сын Алеша, школьник, бывший сам в гуще со- бытий, понимал, чего стоили эти первые месяцы.

Положение было хуже некуда. Бригада хромала на обе ноги, учился все хуже, роно теряло терпение, совхоз сердился всерьез. Нервы директора были на пре- деле.

И тогда она, человек комсо- мольского сердца, корнянского души, сделала такое, чего никогда не позволили бы себе «мудрецы» и «выбеленные».

Без всяких умалчиваний она разъяснила ребятам положение и сделала поразившее всех пред- ложение.

заботность (читай: безответствен- ность) присуща им по праву. Когда-то, в детстве, они скоро по- взрослеют, и тогда уже...

Обо всем этом Мартынова не думала, когда принимала решение о самоуправлении. Просто она чувствовала: что-то было неаде- лано с самого начала, и стремле- ние исправить фальшивую ноту. Началась новая эра. Телятнички, зоотехники, директор совхоза ру- ководили и учить не собирались, но ни одного промаха не пропус- кали, и их замечания никак не походили на обычные школьные замечания и выговоры.

Для Мартыновой настал новый период — переживания. Волнения. Она в полной мере успела почув- ствовать всю ответственность, принятую по ее предположению Со- вхозом. И как же он выйдет из по- ложения!

А Совет начал именно с того, с чего надо начинать: с укрепле- ния дисциплины. И не потому, что такое решение явилось плодом мудрых размышлений, — откуда у шестнадцатилетних годовалых на- менают, — просто жизнь потре-

Ох, как песчинки одного любителя поспать, не являвшегося на работу! Парень на общем собрании попросовал похорониться, а не похоронили. Значит, что ему для «здоровья» это вредно — проспать на рассвете. Наканулись со всех сторон. Явились так, что дым шел. Внесли «предложение»: за счет бригады нанимать такси, чтобы по утрам доставлять на работу любителя поспать. В ответ на его попытку стлать навал на себя, а не на бригаду, он решил купить бригаду. Парень струсил, понял, оступал. Просил простить. Обещал вести себя образцово. Простили условно.

Совет тогда решил: на заработанные бригадой деньги устранить недостатки в организации труда, стимулировать работу боевой и трудовой славы народа. И с первого же года выявились новые принципы отношения к труду. В бригаде не было работы. Отличник, который всего один раз за целый год прогулял работу в тепличке, был немедленно исключен из бригады, исключен от поездов. На следующий год, когда по классам снова обсуждали, кто достоин участвовать в конкурсе, в бригаде уже не было отличника. Кто-то из родителей всегда всегда приглашает на собрания (бригады) попытаться оперировать понятием «отличник». Если же не был, а он уже вторично «не едет», — но родителю серьезно разъяснили, что повода — это не повод. Если же не едет, — это не школьному плану, а награда за отличный труд, и учебю, и общественной работе. И потому обязательно, чтобы не было ничего, лучше, а сколько раз — значения не имеет. Проверка работу звания, не пользовались «кондициями». И в бригаде не было кандидату прамые вопросы и верили в честность ответов. И не было, чтобы ребята покривлялись душой.

Процесс обучения и воспитания в школе длится долго — десять лет. Десять лет можно бороться с отрицательными качествами человека, терпеливо прививать ему добрые свойства души, вкладывать в него все новые и новые кирпичики эрудиции.

Наш рассказ о том, как это делалось. Марьяновна. Когда к учебному заведению приехали представители фермы, ребята тут же повсюду ставили различия между школьной производственной ответственностью и ответственностью перед фермой. Инициатива не стала реагировать на эту разницу. Именно так, как реагировали, мы, ребята, и сейчас, когда подтягивали тех, кто привык учиться за чужой счет, привык к поощрению и наказаниям. Мы же, ребята, привыкли к поощрению и наказаниям, вполне естественно возникла ситуация, при которой коллектив бригады принимался за работу, а мы, ребята, в рамках тех, кто по старой школьной традиции до этого безразлично относился к делу.

Самостоятельное тут оказалось весьма действенным методом: никто ведь не желает, чтобы то, что он делает, не было оценено.

Как же воздействует школьная производственная бригада костровской средней школы на воспитание юных граждан, будущих строителей, созидателей, творцов? Рассказ об этом в следующем номере.

На первый взгляд казалось, все идет своим чередом. Завод выпускает продукцию, а автопредприятия, согласно договору, доставляют ее по назначению. На первый взгляд. В действительности же на Минском моторном заводе дело шло не совсем так.

Моральный климат в коллективе... Мы все чаще говорим о нем, потому что от него в огромной степени зависят успехи и провалы, эффект, конечные результаты идеологической работы. «Эффективность воспитательной работы...» — постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии идеологической, политико-воспитательной работы», — значительно снижается там, где возникает разрыв между идеологией, где не обеспечено единство организационной, хозяйственной и идеологической работы. Оценочная работа по идеологии, хозяйственных кадров неходит в ногу с производственными планами, только показатели выполнения производственных планов, но и уровень дисциплины, морально-волевого климата в коллективе...

Язык закона скуп и лаконичен. Но за ним — огромный политический, государственный и моральный смысл. Подлинная народность, партийность наших законов создают им высочайший авторитет. Поэтому любое покушение на закон — это покушение на волю народа, на волю партии. Об этом

Огромную важность законов в нашей жизни подчеркнул на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «Строгому, неукоснительному выполнению законов — одна из безусловных предпосылок успешного функционирования хозяйственного механизма», — сказал он. Он же и призвал коммунистов «вразносторонне, глубоко и демократично» содержание новых законов, активно им помогать их превращению в жизнь, поднимать массы на борьбу с мелочными беззакониями, с малейшими отступлениями от советского социалистического правопорядка».

Работники прокуратуры связаны по роду своей деятельности с производственными, творческими, научными коллективами, с коллективами учебных заведений, государственных учреждений, и мы знаем, какая хорошая, деловая обстановка складывается там, где роль законов научились понимать правильно, где во всем на первом месте принципиальность, интересы дела, где обеспечена настоящая гласность, где руководители не забывают ленинское положение о том, что государство сильно сознательностью масс.

Могут привести в пример колхоз «Светлый путь», Молодечненского района, Минской области. Председатель колхоза Герой Социалистического Труда В. М. Калачин относится как раз к числу руководителей, которые охотнее всего, терпеливо и убедительно воспитывают людей собственным примером. Примером, во всем — в отношении к своему гражданскому и служебному долгу, в воспитании детей, преданности делу, бескорыстия, порядочности, скромности. И в соблюдении законов, норм жизни, морального кодекса.

ПРОБЛЕМЫ

Характерно, например, что райкомы партии, райисполкомы не приходится разбирать, поскольку не дошли до колхоза «Светлый путь». Их нет. Потому что нет почвы для их появления. Из некоторых хозяйств обращаются, скажем, в Калининскую область, но Калинин это вопрос разных и навсегда — сам председатель отпал от идеи: колхоз закупает топливо и развозит его по домам. С Калинин берут пример специализации, хозяйственности, рядовые колхозники. Всем им легче в такой атмосфере привести действие доступных воспитательных средств. Не случайно колхоз «Светлый путь» давно и прочно занимает место среди лучших в республике. Не случайно так успешно решают производственные, общественные и чисто хозяйские дела.

И напротив: там, где законы уважают лишь постольку, поскольку можно пропустить и сбить с толку корыстными интересами и лишней раз напомнить о своих правах, там благополучие покочнеет. Недавно минская городская судья рассудила директора транспортного экспедиционного комбината № 5 Арезовский, его заместителя Анищенко, сотрудников бухгалтерии Шаванский, Бородин, Шашукова, Давыдов, экономист Ковалева. Облеченные немалыми правами жулики за четыре года совершили присписок на сумму, превышающую 24 миллиона рублей, незаконно выплатили в виде премий более 120 тысяч рублей и особую щедрость, разумеется, проявили по отношению к самим себе.

Закон неукоснительно карает тех, кто пытается его топтать. Прокурсорский надзор, народный контроль зорко оберегают интересы и государства и отдельных граждан. За 1978 год и первую половину 1979 года органы прокуратуры БССР, рассматривая предложения, заявления и жалобы трудящихся, привлекли к дисциплинарной ответственности 248 человек за нарушение законов.

Трудно переоценить огромное воспитательное значение деятельности суда, прокуратуры, органов народного контроля. Но как бы энергично они ни действовали, этого еще недостаточно для создания здорового климата в трудовых коллективах. И тут я хочу коснуться позиций тех руководителей, которые якобы по соображениям высшего порядка требуют защиты нарушителей закона и даже пытаются придать этому какую-то воспитательную направленность.

Директор совхоза имени Ленина в Минском районе, бывший в прошлом председателем БССР, оказался бесхозяйственным, бездельным по отношению к технике. Дело в совхозе дошло до того, что машины не только не комплектовали и растаскивали по частям, но даже резали автоген и сдвали «вторчермету,

чтобы выполнить план по металлолому и металлопродукции. Почти тридцать тысяч рублей — вот какому ущербом обернулось государство «техническая политика» директора совхоза. Исполнительный комитет районного Совета народных депутатов дважды обсуждал положение дел в этом совхозе, устанавливал сроки для наведения порядка, проверял исполнение своих решений и каждый раз констатировал: все остается по-прежнему.

Поскольку Габарь являлся депутатом районного Совета, он не мог без согласия Совхоза, а между собой — без согласия его исполкома быть привлеченным к уголовной ответственности. И вот райисполком попытался «пронести» прокуратуру решением «О рассмотрении представления райпрокуратуры на привлечение к уголовной ответственности депутата райсовета Е. М. Габаря». В нем утверждается, что Е. Габарь «с перспективой решает хозяйственные вопросы, благодаря чему значительно ускорилась материально-техническая база совхоза». И далее: «Учитывая заслуги Е. Габаря в подеме экономики совхоза, в возбуждении уголовного дела отказать». Не будем говорить о юридической грамотности решения. Но подписали-то его председатель исполкома и секретари!

Итак, такая беспринципная позиция — это в отношении депутата райсовета и, более того, члена исполкома, с которого, как говорится, спрос по самому большому счету. Потребовалось вмешательство вышестоящего Совета народных депутатов. Габарь по суду был признан виновным, осужден — и все стало на свои места. Но авторитарность, беспослушание и восстановление его очень трудно.

Ах, эта коварная чаша мундира! Как она мешает нам жить. Иной руководитель не стесняется отчитывать своих подчиненных за то, что они не сумели скрыть какие-то недоработки, изъятия. Вы же пятнаете коллектив, мне подмокну — ставтел! Кто же так руководит? И подчиненные «учится» руководить иначе: зажимают рты тем, кто выносит сор из избы, безоговорочно поддерживают беспринципных, лавастов, лжепатриотов, лжепатриотизма. Липовое благополучие разлагает коллектив. Находятся люди, которые возмущаются, пишут, обращаются в партийные органы, в народный контроль, в прокуратуру. Важно, чтобы делалось это из принципиальных соображений. Но ведь есть в коллективах и деловые, корыстные «правдоискатели».

Мы недостаточно заботимся о том, чтобы зародить и поддерживать в каждом коллективе дух общественного презрения к преступлению, проступкам, недоразумениям явлениям. К сожалению, чаще приходится сталкиваться с

большим через край либерализмом («Прощи принять во внимание смягчающие обстоятельства...» и т. д.), чем с неспиримирной суровостью людей принципиальных («Прощи назвать по всей строгости закона»). Поспешные усилия все и все простить — лишь бы было тихо — почти всегда оборачиваются против коллектива, и в том числе против прекрасноразумных носителей либерализма.

Я очень уважаю генерального директора минского производственного объединения «Луч» Бориса Владимировича Позняка. И сочувствую ему. Он испытывает трудности. Объединение принял запущенным: сплюснутые проблемы — техническое перевооружение, кадры, взаимоотношения с поставщиками, реконструкция... Но постепенно дела стали поправляться. Одна из причин положительных сдвигов в том, что Борис Владимирович всюду и везде открыто и прямо говорит о недостатках, всегда называет вещи своими именами. Он не гонится за популярностью. Он хочет серьезно и честно работать. Генерального директора понимают в коллективе, уважают и охотно откликаются на его предложения, просьбы, хотя порой они связаны с отказом от чего-то привычного: с перестройкой, не всем удобной, с дополнительными затратами времени, энергии. Но искренний подражатель пример воспитательной миссии руководителя!

А ведь Позняк нет-нет да попадает в разные инстанции за то, что он публично критикует нарушителей законов, государственной дисциплины.

Тут много нюансов. И признаемся, нелегко подчас убедить людей, что они неправы, когда в ход пускают такие сильные аргументы, как интересы плана, престиж города или отрасли. Самое радикальное средство, по-моему, одно: усиление гласности во всех наивысших. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» сказано: «Там, где не в чести критика и самкритика, где недостает гласности в общественных делах, наносится прямой ущерб активности масс».

Иной раз делу серьезно мешает правовая малоратомность. Например, Московский ветеринарный станция А. Ермошенко без всяких к тому оснований уволил в июне 1979 года работницу ветеринарной аптеки Л. Плиноварову. Он нарушил закон — ребенку Плиноваровой в ту пору не было еще года, а статья 170 КЗоТ СССР запрещает увольнение беременных женщин, работающих под его знаменем. Вышелась немеркнущая прокуратура. Л. Плиноварову восстановили на работе. А вот бы А. Ермошенко, знай он хорошо закон, не портил бы мораль, не ставил под удар себя.

Подобных историй, связанных

с правовой неграмотностью, более чем достаточно. И поэтому я хочу коснуться правового воспитания трудящихся. Мало яркого, интересного, убедительного материала дают нам кино, телевидение, печать! Иной раз сморщил телевизионную передачу, кинофильм или читавший статью и думаю: кому, кроме автора, такое нужно!

А роль наглядной агитации, плаката... Образно, броско многое можно и нужно выразить языком плаката. К сожалению, эта форма идеологической работы по-прежнему недооценивается в практике правообразования. Где плакат, напоминающий о требовательности и всеобщности аксности советских законов! Не засекречен ли у нас уголовный кодекс! Во всяком случае, наглядная агитация его никак не отражает. На предпрятиях, в колхозах не увидишь плакатов, излагающих права и обязанности бригады, начальной цеха, заводского фермы, мастеров. И дело не только в том, что из-за незнания возникает конфликт, а в том, что не воспитывается уважение к нормам повседневной жизни, не воспитывается у должностных лиц, очень адекватное качество — умение на деле доказать, что они понимают единство прав и обязанностей.

Уважать закон, исполнять его требования — это не только словечко и укрепить наши принципы, весь наш уклад, основы нашего общества и строя. Мы в Белоруссии стараемся поставить правовую прокуратуру широко и массово и в то же время наизусть. Пока рано говорить о том, какие результаты приносит правовой всеобщ. Но то, что в него вовлечены десятки тысяч людей в самых различных организациях, в том числе сотни юристов, позволяет надеяться на всеобщую практическую отдачу.

У нас привлекаются также, например, правозащитные органы, работники прокуратуры трудящихся непосредственно на предпрятиях, стройках, в колхозах, совхозах. Там мы отвечаем на вопросы, помогаем разрешать конфликтные ситуации, рассматриваем жалобы, предложения по улучшению работы прокуратуры и других правоохранительных органов, по усилению помощи им со стороны общественности.

Постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилению борьбы с правонарушителями» новый Закон о Прокуратуре СССР, Всесоюзное идеологическое совещание поддерживают и стимулируют наши усилия.

Закон — воспитатель. Сильный, надежный, утверждающий справедливое, доброе. Однако лишь тогда, когда он соблюдается безоговорочно. И чем демократичнее становится наше общество, тем чаще надо об этом вспоминать. В первую очередь конкретно: в делах и поступках.

1941
—
1945

ЛЕТОПИСЬ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

И СЫА С ПЕРЕДОВОЙ

Посылаю письма своего брата Льва Крюкова.

В «Комсомольской правде» 1 июня 1944 года был помещен портрет Льва и корреспонденция «За его смерть мы отомстим!».

Короткая жизнь Льва очень похожа на судьбу его сверстников. Родился в Москве. Учился в школе № 56. Когда началась война, как и многие мальчишки, побежал в военкомат пристыжен на фронт. Но ему отказали, так как ему было шестнадцать лет. Тогда Лева пошел на трудовой фронт, рыл под Москвой окопы и траншеи вместе с другими парнями и пожилыми людьми. К сожалению, мало об этом пишут. Это точно подает людей, когда, голодные, в холод, а порой и больные, они отдавали все силы для победы.

Затем Лева окончил общеобразовательные училище имени Президиума Верховного Совета РСФСР и был направлен вместе с другими молодыми офицерами на фронт.

В. КРЮКОВ

Москва.

Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Валя и мой братишка Вовочка! Шлю вам свой горячий привет с передовой под грохот канонады. Большое письмо писать не буду — нечего.

Я жив и здоров, чего и вам желаю. Одет, кормят хорошо. Немного о вас скучаю, но ничего не переживаю.

Я со своим подразделением в одну деревню первыми ворвался, и выбили гитлеровцев.

Теперь я кандидат ВПКС (Б).

Всех вас крепко, крепко и много раз целую. Папу, маму, Валя и Вовочку.

Ваш сын и брат Лева.

До скорой встречи. 4.III.44 г.

Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Валя и Вовочка. Шлю вам свой горячий пламенный фронтный привет.

Я жив, здоров, все в порядке. Как вы живете, мои дорогие? Очень о вас соскучился, хотел бы посмотреть одним глазком. Ну, ладно, разобьем фронтца и тогда уж посмотрим друг на друга. Как там Вовочка? Наверное, тоже больше стал и говорит без картанки. Валя же все учится, как надо работать? И пускай учится и учится. А мама все страдает обо мне! Пускай не беспокоится, со мной все в порядке, немца гоним, гоним и гоним. Скоро будем брать большую крупную город. А Вовка, наверное, все у мамы ворует сахарок с песочником...

Папа, как ты жив и здоров, как я вернусь, чтобы был таким же, каким был, когда я уезжал. Папа, пришли мне кар-

точку — маму, Валю и Вову. И себю. От вас еще не получил ни одного письма, пишите чаще.

Всех крепко целую. Лева. 8.III.44 г.

Здравствуй, мой братишка Валентин! Шлю тебе свой братский фронтный привет.

Валя, как мне хочется с тобой побеседовать и рассказать свою боевую жизнь. Сейчас вот тебе пишу письмецо под свист летящих мин, и пишу я к ним, как будто так и надо. Вначале было страшно, а теперь хоть бы что.

Валя, мы фланговым гоним на запад, и так гоним, что в другой раз ворвались в деревню, а они впереди бегут в одних кальсонах. Жалко, я не взял фотоаппарат, мама не велела, а то посматривать неплохо. Валя, пиши мне почаще письма. Крепко тебя целую и жму своей грубой фронтной рукою твою руку.

Целуй за меня папу, маму, Вовочку. Твой брат Лева. 8.III.44 г.

Здравствуй, мой маленький братишка Вовочка!

Пишу тебе небольшое письмецо от себя, старшего брата. Вовочка, как ты живешь? Наверное, все балуешься и маму растрепываешь? Не надо, Вовочка, а то я приеду и тогда тебе трофеев не дам.

Вовочка, мы очень хорошо захватываем бьем, он бегит от нас, только пятки сверкают. Вовочка, маму ты жалея, не

надо ее растревать, а то, я знаю, ты здорово капризничал. Ну и все. Крепко за меня поцелуй папу, маму и Валя.

Крепко тебя целую. Твой Лева. 8.III.44 г.

Эти письма брат написал 8 марта 1944 года, а 10 марта он погиб.

Москва, Можайское шоссе, 36, кв. 108

КРЮКОВОЙ М. В.

Уважаемая Мария Влади-

мировна!

Мне тяжело Вам писать, т. к. я понимаю человеческое горе, ибо сам потерял в этой войне трех родных братьев. Немецко-фашистские злодеи, назвавшие нас войну, много причинили горя. Мы мстим им, и наша задача только за последние два месяца истребила около двух тысяч фашистов.

Ваш сын пал на поле боя радом со своим связным. Ночью бойцы вынесли его. Днем 11.3.44 открыли могилу, сделали гроб и обмыли тело, а похоронили 12.3.44. У деревни Гришино в ста метрах имеется гора, так у склона этой горы под елками мы похоронили Вашего Лева со всеми воинскими почестями. Там всего одна могила. Он в ней один. Мы врыли столб и на дощечке написали имя, отчество и фамилию и дату гибели. Жители были на похоронах и плакали во время выступлений бойцов. Позднее я Вам опишу подробное место боя и деталей. Сейчас это нельзя. Шлю Вам фотографии, найденные при нем в документах.

Капитан Грачев. Полевая почта 07615

14.3.44 г.

Полевая почта № 07615

Капитану ГРАЧЕВУ

Уважаемые товарищи Грачев!

Обращаюсь к Вам родители мл. лейтенанта Крюкова Льва Геннадиевича. Узнали на Вашего сообщения, что сын наш погиб героически с честью за нашу любимую Родину...

Сын наш воспитывался в духе готовности к любым жертвам во имя Родины, он свято выполнял свой долг.

Мы просим Вас передать командованием части благодарности за то, что героически подвиг нашего сына Л. Г. Крюкова был должным образом оценен командованием и всем личным составом воинской части. Же-

лаем Вам успехов в вашей боевой жизни, желаем полной победы над врагом!

Мы просим Вас, если это можно, выслать нам: приказ о награждении нашего сына Крюкова Льва Геннадиевича — по смерти; официальную справку о его гибели и газету воинской части, если в ней описан подвиг нашего сына. Ждем боевую руку.

Крюкова Мария Владимировна, Крюков Геннадий Александрович

5.IV.44 г.

г. Москва, Можайское шоссе, 36, кв. 108

КРЮКОВУ Г. А. и КРЮКОВОЙ М. В.

Уважаемые Геннадий Алек-

сандрович и Мария Влади-

мировна!

В ответ на Ваше письмо от 5 апреля 1944 года сообщаем, что Ваш сын младший лейтенант т. Крюков Лев Геннадиевич мужественно дрался с немцами заволакиваясь, умело руководя своим взводом, и проявив личную храбрость, пал смертью героя. Его подвиг является примером героического поведения, наградивший посмертно мл. лейтенанта Крюкова Л. Г. орденом Отечественной войны I степени.

На героическом подвиге мл. лейтенанта т. Крюкова мы воспитываем личную честь. Шлем Вам благодарности за то, что вы воспитали подлинного патриота своей Родины.

Мы понимаем тяжесть утраты и разделяем вашу скорбь.

Шлем Вам свой боевой привет и желаем здоровья и успехов в труде.

Зам. командира полка по политчасти полковник Ржевский Ашатор полка к-н Грачев

8.5.44.

Председатель сельсовета деревни Гришино Псковской области

Дорогой товарищ К. В.м. обращаются родители младшего лейтенанта Крюкова Льва Геннадиевича, погибшего 10 марта 1944 года героической смертью в бою с немецкими захватчиками и всем личным составом командования, и всем личным составом воинской части. Же-

Почта пришла.

Фото М. Савина

нен у деревни Гришино в ста метрах на склоне горы под елью в отдельной могиле.

У нас и Вам большая просьба, сообщите нам, пожалуйста, в каком состоянии могила нашего любимого сына. Если же могила пришла в плохое состояние, то просим Вас поправить могилу силами комсомола и молодежи. Наш сын Лева Крюков был комсомольцем, в момент гибели ему было всего 19 лет.

КРЮКОВ
Геннадий Александрович
КРЮКОВА
Мария Владимировна
1 июня 1945 года

Здравствуйте, многоуважаемые Геннадий Александрович и Мария Владимировна!

С горячим приветом и наилучшими пожеланиями незна-

комая вам Нина. Во-первых, дорогие, сообщите, что письмо я вам пишу из деревни Гришино, где находится могила вашего дорогого сыночка Леви... Могила в хорошем состоянии, посажены цветы и огорожена... Мы очень часто посещаем ее и ухаживаем за ней. Так вот, дорогие, не беспокойтесь. Если у Вас будет возможность приехать, то пишите, я вас могу встретить, опишу месторасположение, где живем. Мой адрес: Псковская область, Псковский р-н, Мельховский с/совет, д. Гришино, Кузьминной Нине Ивановне. Сама я работаю заведующей почтовым отделением при своем сельсовете. Пишите, буду ожидать.

Будьте здоровы и счастливы. Я приваю Нина.
1 июля 1945 года.

ПРАЗДНУЙТЕ ЗА НАС

Здравствуй, Нина! Поздравляю тебя, дорогая сестренка, с 27-й годовщиной Октябрьской социалистической революции. Четвертый год нам приходится встречать этот день в обстановке военных действий. Остались только одни воспоминания о мирном праздновании этого великого дня. И вот теперь снова мы дождались своего денечка. Уже, Нина, мы очистили свою территорию полностью, перенесли войну на территорию противника. Наша родина свободно вздохнула, освободившись от поработителей. Нина, хотя бы мы празднуем за нас и празднуйте хорошо! А мы будем стараться, чтобы скорей покончить и чтобы следующий праздник праздновать вместе.

Нина, к дню 27-й годовщины я получил справку на третью награду — медаль «За оборону Кавказа»...

Я живу, эдакор, нахожусь в Польше.

Передо мной привет маме, тете Ксене и всем родственникам. С приветом

В. Пауку

2.XI.44.

Это письмо прислал мне мой брат Пауку Василий Филимонович, который прошел от Моздока до Одера. Служил в артиллерийской части, был командиром орудия. Погиб 11 февраля 1945 года на правом берегу Одера в городе Штаркену.

Нашей матери 84 года. Ей и мне хотелось бы узнать, где он похоронен, и съездить на могилу.

Н. МАЙЛАНОВА

Веслан, Северо-Осетинская АССР.

КАРТА ПОБЕД

Посылаю вам фотографию и обзорок трофейной немецкой карты, которую хранил до сих пор. С этой картой я, пулеметчик и комсорг роты 69-й армии генерал-полковника Колпачки, в составе 1-го Белорусского фронта прошел с боями 600 километров пешком от Радомского плацдарма на Висле до Одера. Первую карандашную точку на карте поставил в начале наступления 12 января 1945 года и затем к концу каждого дня наступления отмечал путь своей пулеметной роты. 600 километров прошли за двадцать дней. Наш путь проходил через польские города Томашув, Лодзь, Копин, Врешен, Познань, Бирнбаум, после которого была граница с Германией и первый город Германии Шверин, пострадавший, наверно, более, чем другие города Германии, из-за ожесточенных боев, сгоревший на наших глазах; затем Цилентц; Лебус — после фор-

сирования Одера. Памятен этот путь, после которого от пулеметной роты осталось в живых 6 человек. Мне было в то время семнадцать.

На снимке я в центре. В сентябре 1945 года мы встретились с отцом и сфотографировались. Справа на этом фото — отец Алексеев Иван Васильевич, солдат первой мировой войны. Слева мой брат Алексеев Дмитрий Иванович, прошедший путь от начала и до конца войны, вначале авиадесантник, затем начальник штаба полка на 3-м Украинском фронте. После войны брат — заведующий кафедрой языкознания Кубышевского университета, доктор филологических наук, автор «Словаря сокращений русского языка».

После войны работу участком совхоза в теплицах в Сочи — вот уже 25 лет на одном врачебном участке.

В. АЛЕКСЕЕВ

Сочи.

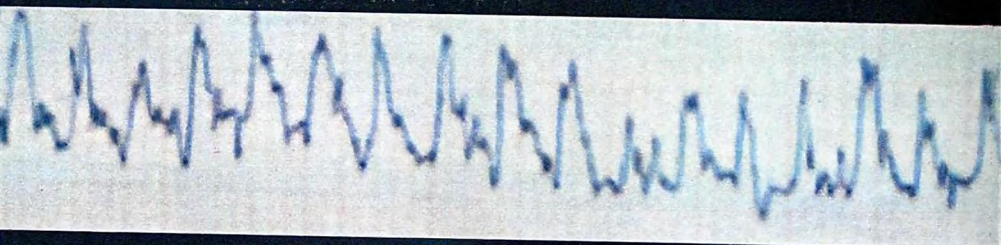
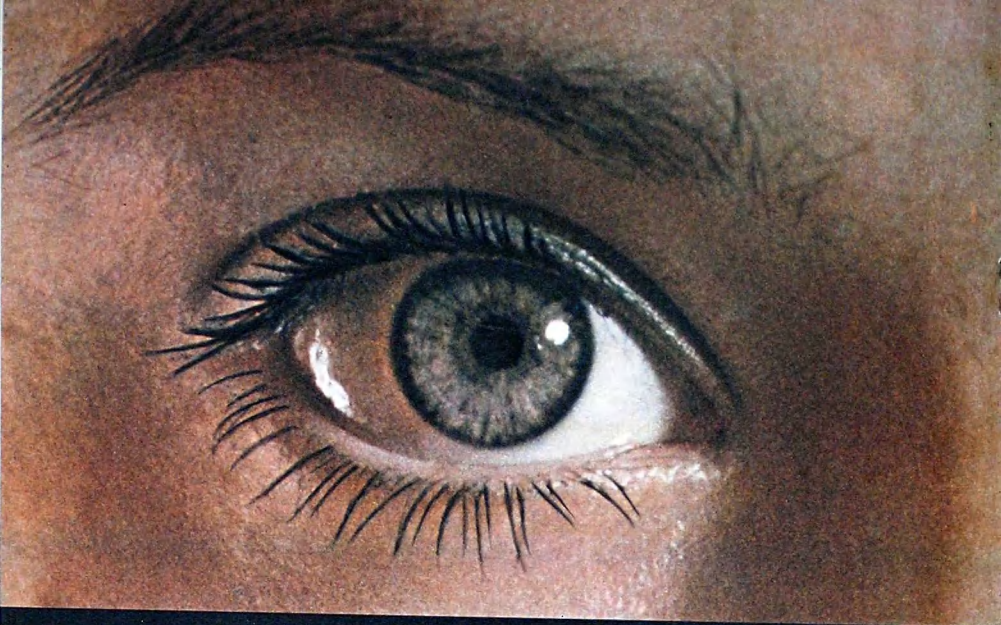

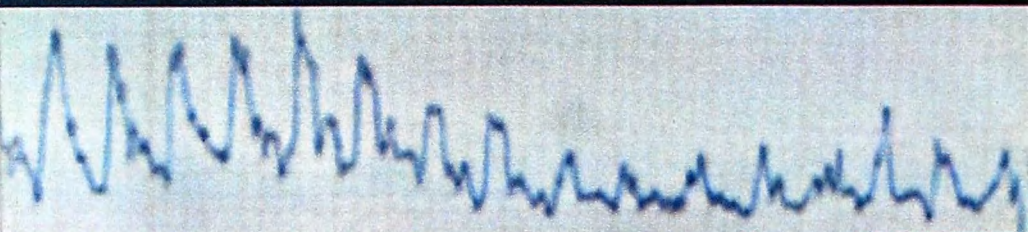
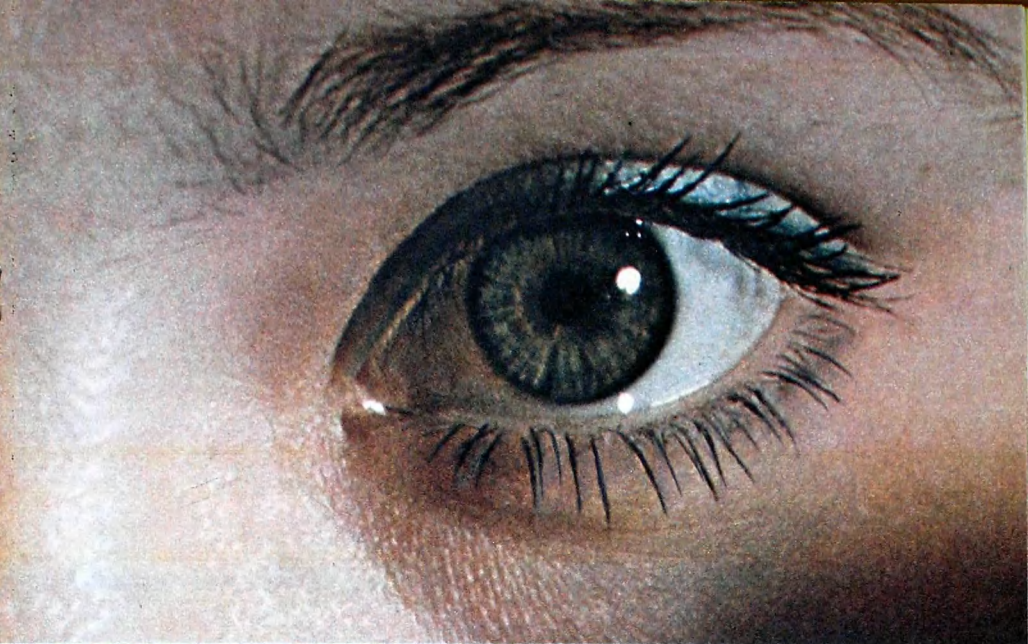
Он мечтал стать летчиком, но стал хирургом. И ни разу об этом не пожалел: его жизнь напоминает полет, устремленный в будущее.

Двадцать лет он служил в Чебоксарах впервые в стране хирург Свято-славенской больницы, глядя в глаза человека сделанный им самим искусственный хрусталик. Эту операцию сочли чуть ли не преступлением, она была объявлена «антифизиологичной», а искусственный хрусталик — инородным телом, вызывающим гибель глаза. Сторонников у Федорова почти не было. Его вынудили уйти с работы.

Недавно профессор Святослав Николаевич ФЕДОРОВ был гостем очередного заседания клуба «На «Огонек». Он рассказал собравшимся о работе своей лаборатории, ответил на вопросы.

сильный? Потому что не могут или не хотят?

В нашу клинику приезжают за опытом офтальмологи из самых дальних стран, из другого полушария, а врачи из соседних даже областей что-то не умеют. Наш полет на автобусе — не редкость, а дело, но решить проблему в целом они, конечно, не могут. И вот вот что странно: когда мы приезжаем в какой-нибудь город, заезжаем циркачей, наша операция для них — это сложный трюк, эксперимент номер, который не надо и не надается повторить. Приходится убеждать, агитировать, буквально за руку вести к операционному столу. А потом через месяц человек уезжает: и как он мог думать, что не сможет сделать такую простую вещь — вставить искусственный хрусталик.

Впервые я провел эту операцию ровно двадцать лет назад. Тогда почти всем она казалась чем-то сверхъестественным. Но ведь за эти годы человек вышел и из тени, побывал на Луне, осуществил пересадку сердца. В нашей клинике имплантировано более восьми тысяч искусственных хрусталиков, а врачи на местах по-прежнему, как и двадцать лет назад, беспомощно разводят руками: «Помочь не можем. Да, не хватает нужного инструмента, необходимых приборов, хорошего материала, но почему врач, зная, что в соседней области делают такие операции, что там возвращают зрение, почему он не может спокойно сидеть и не добиваться всего необходимого для этой операции? Почему он не идет в областной центр, почему не пишет письмо, почему не отстаивает своего права возвращать людям счастье?»

Последнее время много говорилось об активной жизненной позиции советского человека. Каждый на своем месте должен проявить все, на что он способен, и в первую очередь бороться за свои идеи, отстаивать свое мнение.

Конечно, очень многое зависит и от плановых операций. Микрохирургия глаза немалым без точнейшего, тончайшего оборудования и инструментов. Иногда врач и рад бы помочь слепящему человеку, и умеет, и знает, как и что делать, но не может: нет элементарной офтальмологической иглы. Иглы, которыми мы чиним глаза, мы покупаем за границей по три доллара за штуку. Но такую возможность имеют только крупные центральные клиники, а остальные врачи что делают? Я знаю хирургов-офтальмологов, которые вынуждены сами тратить много времени, чтобы напильником выточить из обычных хирургических игл некие подобию иглы для операции на глазу, которая, кстати, травмирует глаз и приводит к слепоте. О каких совершенстве методов глазной хирургии в местах, делегах от сто-

лиц, может идти речь при таком положении?

А ведь эту проблему, на мой взгляд, можно решить без особого ущерба для государства. Почему любой завод, производящий медицинские инструменты, не берет за выпуск ширпотреба и всячески противится заказам на медицинские инструменты? Почему ширпотреб дает план, дает прогрессивку, а инструменты этого не дают. Но почему страдать от этого должны люди, годами идущие вперед на оптовых закупках за того толку, что на две бригады глазных хирургов есть лишь одна подходящая игла? Разве нельзя каким-то образом заново создать завод, ввести медицинское оборудование в план, давать за его выполнение премию?

Я понимаю, стране нужен ширпотреб, очень нужен. Но не думаю, что многие из нас предпочтут иметь дома набор кухонных ножей и смотреть на них полуслепым, как на драгоценности.

Да, новая медицинская техника, новая технология врачевания дали в руки хирурга необычные возможности, перевели хирургию на совершенно иной уровень, это новый виток спирали в развитии медицины. Но новая технология должна помогать и наши понятия об организации здравоохранения.

Появляется мысль: а стоит ли стремиться к увеличению числа коек в больницах, строить новые корпуса, если с помощью более совершенной техники и технологии врачевания можно вылечить в уже существующих клиниках в три, в четыре раза больше больных? Действительно, зачем тратить огромные средства на строительство новых корпусов, если можно оборудовать прежние больницы новейшей аппаратурой, которая встанет в три-четыре раза дешевле, чем строительство новых, и с ее помощью лечить в несколько раз быстрее и, главное, эффективнее.

К сожалению, так было всегда: существующие больницы рассматривались на старую технологию. Поэтому человек, который собирается применить что-то новое, должен быть готов к борьбе со старыми понятиями, со старыми инструкциями. Чтобы вырваться из сегодняшнего дня в день завтрашний, нужно непременно запастись мужеством — до появления новых инструкций — до появления новых технологий.

Новая техника является противоречием с архитектурой клиники, и со штатным расписанием, и со штатным графиком работы персонала, и с прежними методами снабжения клиник аппаратурой и инструментом. То есть под влиянием новой технологии врачевания должны меняться все системы здравоохранения.

Взять тот же автобус-операционный. Нам иметь такой автобус ни в одном штатном расписании не положено. Но мы понимаем, что он нам необходим, и мы его добиваемся, причем частично на свои же средства: зарплатами из непроизводственных расходов хрусталиков в своем чеке.

ВОПРОС. У вас в клинике, Светлана Николаевна, будет такое выражение: «Три уловия в одном» — это когда в одном и том же числе больничных койках одновременно лежат пациенты в три раза больше времени. За счет чего вам это удается?

С. Федоров. Когда мы стали внедрять у себя в клинике новейшую технологию, то поняли, что она требует колоссальной

ответственности. Каким образом можно повысить ответственность врачей? Только заплатами за ним, большого на весь срок лечения, чтобы за каждого пациента отвечать один врач. И вот мы разбили клинику на отдельные группы или бригады по 3—4 человека в каждой, закрепили за ними по 15—20 больных, полностью отдали в их распоряжение оборудование. В конце каждого месяца стали сравнивать работу всех групп. Сравнение велось абсолютно гласно, все было открыто на оповестных.

Оказалось, что несколько бригад работают плохо. Мы их сформировали, назначили новых руководителей.

Уже через год после внедрения нового метода (по сути своего) оно мало чем отличается от зловещего резко увеличилось количество сделанных операций и так же резко сократилось время пребывания больного в клинике. В среднем по стране на одной койке в год — 13 больных. У нас в год, а у нас — 35 больных! Теперь у нас практически нет слабых врачей — все подтянулось, ибо возросла ответственность, и к тому же самолюбие не позволяет человеку плестись в хвосте.

Но что самое ценное — резко уменьшилось количество осложнений. Казалось бы, парадокс: операций стало больше, а осложнений меньше. Но ничего удивительного в этом нет. Когда ты делаешь много операций, ты непременно становишься хорошим хирургом. Ведь и хорошим пианистом можно стать, играя каждый день и многого, не молодые ребята. Буквально через год-два после окончания института уже считаются квалифицированными специалистами: могут имплантировать хрусталик, делать операцию по близорукости.

Сначала были скептики. Они возмущались: как можно молодым доверять такие сложные операции, они все глаза перепортят! Конечно, не сразу у молодых все шло гладко, первое время были и огрехи, оплошности, их исправляли более опытные коллеги. Но наша система не позволяет долго оставаться мастером средней руки, лишенным полета мысли, фантазии. У нас созданы все условия для развития инициативы. И это принцип, который мы взяли у Валерия Захарова разрабатывать новые конструкции хрусталика, Александр Семенов по своему почину организовал лабораторию лазерных технологий, а Виктор Зуев создал прибор для лазерной близорукости, Ярослав Глинчук в свои 26 лет — прибор для удаления катаракты, Нена Оберемов в 27 лет — метод для остановки прогрессирования близорукости, А. Коллино (теперь — А. Ибрагимов) в 29 лет — прибор для устранения косоглазия.

У нас каждому дана возможность утвердить свою идею. В таких условиях человек верит в себя, раскрывает все свои возможности, его таланты. Но мы не забываем, что кому много дается, с того и спрос больше. Поэтому мы должны быть раньше на молодого человека нависающей груз личной ответственности, тем

быстрее он формируется и как специалист и как личность, тем сильнее надежды, что мы получим квалифицированного, зоркого, конченного с широким взглядом, с государственным подходом к делу.

Я уже говорил, что наша бригадная система позволила нам избавиться от психозов врачей, ибо та же система — это открытое соревнование, это здоровая конкуренция, которой, к сожалению, почти лишены все наши здравоохранители. В своем деле, почему я могу вставить себе палец, почему я могу, а врач, который должен резать мне ногу, живот, сердце, а выбрать не имею права? А если я знаю, что у этого здоровья много осложнений, я все равно должен лечь под его нож?

Если бы больной мог выбирать врача сам, то тогда доктор, у которого было бы меньше всего пациентов, мы могли спросить: а не зря ли ты занимаешь свое место? Какой подход, значительно улучшил бы нашу работу, нашу помощь. А то стоить только человеку стать врачом, и он может всю жизнь жить спокойно, — ведь больному все равно на его долю хватит. Он может позволить себе за всю жизнь не протратить ни одной новой книги по своей специальности. Мы сами плохо разбираемся, а могли бы легко этого избежать.

ВОПРОС. Скажите, Светлана Николаевна, как отнеслись ко всем вашим идеям, к вашей системе здравоохранения? Поддерживали ли они вас?

С. Федоров. Конечно, министерства здравоохранения, и союзное и республиканские, делали и делают много шагов, но далеко не все весьма приемлемые. Но, к сожалению, их возможности в ряде случаев ограничены. Например, чтобы получить пять новых сооружений для того, чтобы была возможность по устранению близорукости, нам надо было идти на прием к председателю Госкомтеха СССР по лазерной оптике, а он не хотел. Для этого тогда были вынесены специальное решение. Подобные вопросы не в праве решать ни Минздрав, ни даже Совет Министров республики. Почему, спрашиваешь? Я уверен, что каждый областной здравдотел должен иметь резервные возможности (в первую очередь — людские) для развития новых технологий. Правлений медицины, иначе очень трудно надеяться на успех.

А что получается у нас? В начале года Минздрав выделяет деньги, распределяет все штаты, и когда распределяет года в них возникает крайняя нужда, то мы должны ходить по высоким инстанциям, тратить время, нервы, много того чтобы возвращать людям зрение.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, о новых методах зрения после окончательного завершения ее строительства. В чем ее особенности?

С. Федоров. Сейчас рядом с главным корпусом мы начали строить еще одно здание, где будут находиться все лазеры. Нам уже не нуждаются ни в операции, ни в интенсивной терапии, ни в частых осмотрах. Это своего рода лазарет, где больные могут лежать, отдыхать, а раз ни в день их осматривает врач или сестра делает укол. Стоимость содержания больницы минимальна, зато основное здание с его лабораториями, операционными, спонсорской ап-

У москвички Н. Филипповой операция уже позади. Хрусталик модели С. Федорова и В. Захарова. © Консультант. Слева — на ядре в т. А. Ария, С. Пев, Д. Иоффе, В. Хватов, Т. Кан.

паратурой, где содержание больного обходится в десять — пятнадцать раз дороже, каждые три-четыре дня будет полностью освоено. Это требует от 200 больных и набирать 320 новых.

Такая система позволит выжить за год дополнительно 12 тысяч больных, а в следующем третьему из них мы вернем трудоспособность, а 12—13 миллионов чистого дохода государства. Стоимости строительства не превысит 10 миллионов рублей, оно окупится уже в течение первого же года.

Сейчас во многих клиниках страны большие стоят в очереди на операцию по несколько месяцев: не хватает мест. Эту проблему можно было бы решить строительством корпусов для дооперивания больных. И мы постараемся это доказать на примере своей клиники.

Иногда мне приходится спорить с экономистами. Они утверждают, что в том, что я требую непомерно многого, что мои идеи, мои фантазии слишком дорого обходятся государству. И каждый раз я доказываю, что нет ничего выгоднее для страны, чем вернуть ей полноценного работника, вырвать его из рук болельщиков. Мы ведь можем позволить себе, работая 3ВМ или работ, на которые потрачены большие деньги, долго находились в ремонте или стояли без дела: это невыгодно. Но поему мы становимся такими расточительными, как только разговор заходит о людях? А вы представляете себе, говорю я, что мы «работаем», причем дорогие работы, тогда только учимся в школе, а когда из нас обходится государству в десять тысяч рублей. Почему же мы не подсчитываем каждый раз, сколько мы теряем, если человек долгие годы идет своего ремонта?

Вообще иногда мне кажется, что мы совершенно не умеем считать, не знаем элементарной арифметики. Возьмем, например, любую большую больницу в крупном городе. Это же целая фабрика по «ремонту» человеческого организма, но у нее скорее всего не будет своего детского сада, и врачи вынуждены вчасеи изощряться, тратить нервы и время, чтобы устроить своего ребенка в детский сад соседней парфюмерной фабрики, у которой есть свои ясли, и свой дом отдыха, и пансионат на берегу моря. Почему у больницы этого нет? Потому что она нерентабельна, не приносит прямого дохода. Но это парадокс! Мы просто не умеем считать: ремонт человека дает десятикратную эффективность, это десятикратно выгоднее, чем делать операцию.

Мы стараемся сейчас из нашей лаборатории сделать рентабельное предприятие. Какова структура нашей клиники? Я сравнил ее с научно-производственным объединением. Сейчас у нас работает 450 человек, скоро будет вдвое больше. У нас есть врачи-физики, свои химии, механики, инженеры, фотографы, слесари, фрезеровщики... Мы сами видим идею, сами по идее делаем инструменты, сами пробуем их в эксперименте, сначала на кроликах, потом на больных. Таким образом, в кратчайшие сроки мы получаем новый инструмент, необходимый для выполнения наших идей. Получаем результаты, они наводят нас на еще более новые идеи, для их воплощения мы

опять создаем новый инструмент и так далее. Это один виток спирали. Мы движемся не по замкнутому кругу, а по спирали, как говорят, спиралью прогресса.

Но такое движение требует очень четкой согласованности всех звеньев: врачей, инженеров, технологов, специалистов экспериментов. Если хотя бы одно из звеньев дает сбой, вся система останавливается. Вот почему так велика ответственность каждого из участников, будь то ученый или токарь.

Свою продукцию мы и сами используем, и продаем другим клиникам, и поставляем на экспорт. В прошлом году на экспорт мы заработали почти 500 тысяч долларов, в этом году мы заработаем около 800 тысяч долларов, и все это в довольно кустарных условиях. Сейчас мы ставим вопрос о создании на базе лаборатории действительно мощного научно-производственного экспериментального центра, где можно было бы получить чистый доход около 10 миллионов рублей. Когда нам разрешат считать это научно-производственным объединением, тогда мы сможем 40 процентов нашего дохода тратить на премии нашим специалистам, которые давно этого заслуживают. Хотели бы построить для детей детский сад, ясли, то есть добиться тех же условий, какие имеют работники той же парфюмерной фабрики.

ВПРОС. Что, по-вашему, больше всего мешает внедрению нового в нашу жизнь?

С. Федоров. Прежде всего сам человек со своими недостатками: ленью, инерцией, завистью, недоброжелательностью. Но если вспомнить годы трудного становления метода имплантации хрусталика, и с грустью вынужден признать, что болельщики не мешали именно наши коллег — врачи-офтальмологи.

Новое требует от человека новых знаний, новых навыков, а все это требует времени. Как же иначе, это самое трудное — преодолеть человека. Лень, безразличие, трусость выжить из человека намного труднее, чем сделать тысячу самых сложных операций.

Некоторые из вас могут подумать, что теперь у нас в клинике все идет гладко, без каких-либо сложностей. Должен признаться, что это не так. К сожалению, нередко и у нас бывают скандалы. Малейшая проблема — маленький скандал, болельщики — большая. Часть всего возникает оттого, казалось бы, из-за мелочей. Вот недавний пример. Почти месяц проходил в лаборатории сложный эксперимент. Был назначен срок его проведения, все обговорено, уложено, и все-таки эксперимент был сорван. Забыли проверить исправность скандала. Мелочь, из-за которой не надо настроение портить! Нет, ну! Надо портить настроение, надо скандалить. Иначе в нашем деле трудно.

Когда я обращаюсь в самые высокие инстанции, что не хватает денег, меня туда вызывают и говорят: вы толкаете один ненужный пожеланием, все остальные довольны. Я говорю: а вы сами не знаете? Нет, не спрашивали, а ответили, что если бы не было в порядке, а вы один поднимаете проблему, затеиваете скандал, у вас, видно, плохой характер. А потом, когда я все-таки добиваюсь хорошего инструмента, мои коллеги удивляются. Как удалось? У тебя ведь связи, говорят. Какие у меня связи? Я просто понимаю, что должен сделать, и покупаю новейшее оборудование, что не имею права использовать старое, если есть новое.

Почему так получается? Но это ни печально, но наши хозяйственные органы не всегда заинтересованы во внедрении нового, оно ведь не идет прямого. Но то, как я уже не раз говорил, весьма недальновидный подход.

Необходимо сделать так, чтобы в скорейшем внедрении новой технологии нашей страны были заинтересованы (и в первую очередь материально) все организации, которые отвечают за это внедрение. Именно об этом говорят и на заседаниях Всесоюзной партии и правительства об улучшении хозяйственного механизма.

ВПРОС. Много приходилось слышать о контактах с американскими врачами. Не мешают ли этим связи с людьми, имеющими теплые отношения с нашими странами?

С. Федоров. Только за последние два года у нас в лаборатории побывало много американских офтальмологов. Они, конечно, не безразличны к мировым проблемам, но они прекрасно знают, что мы не в состоянии изменить международные отношения, у нас, у врачей, главной остается задача — избавление от страдания, нести людям счастье, то есть заботиться о самом непосредственном благополучии деятельности иных политиков.

Что меня больше всего поражает в американцах — это их умение относиться со скупостью к тому, что же применять на практике. Совсем недавно, в ноябре, я делал доклад по лечению близорукости в Сан-Франциско на съезде офтальмологов США. После этого к нам в клинику приезжали уже

специалисты по лечению близорукости, смотрели наши операции, во все вникали и тут же выносили свои заключения. Это я знаю по письмам. Они даже успели создать специальную научную группу по изучению этой проблемы, на двадцать восьми человек, которую возглавил доктор Луекс, тут же поочередно были выкуплены аппаратуры известную фирму. И дел пошло.

ОТ РЕДАКЦИИ. На днях профессор С. Н. Федоров вернулся из короткой поездки в США, где под его руководством американские хирурги провели четыре операции по устранению близорукости. Операции, которые были сделаны по методике, разработанной в лаборатории Федорова, закончились успехом. Всем четырём пациентам возвращено нормальное зрение.

На другой день американская пресса сообщила, что «Эти операции производились с помощью инструментов, привезенного советским хирургом». Но очевидно, что американские врачи будут располагать подобным оборудованием и уже через три года такая операция станет доступна каждому американцу.

«...Эта операция позволит вернуться к своим профессиям летчикам, полицейским, пожарникам, словом, всем тем, кто из-за ослепления оставил свою специальность...»

Впрочем, поездки С. Федорова в США могли и не быть. Американские врачи говорят о самом последнем доходе, против них, и только под давлением американских хирургов (которые, кстати, что это значит, неясно), а в первую очередь самими американцами (журналистами помощи) госдепартамент был вынужден уступить.

Операции советского хирурга были показаны в нескольких программах телевидения США и комментировались ведущими офтальмологами страны. Доктор Н. Стоп сказал тогда: «Если у нас в течение полутора не будут организованы курсы для обучения хирургов таким операциям, то мы будем вынуждены ездить на такие курсы в Советский Союз».

Говоря это, доктор Н. Стоп не мог предположить, что он, как победитель, получит много подобных курсов пока нет.

ВПРОС. Расскажите, пожалуйста, о состоянии зрения, о границах дальности зрения и близорукости.

С. Федоров. От дальности зрения мы избавили пока только несколько человек, эти работы получили широкие результаты, но мы надеемся создать довольно сложную лазерную установку. Сейчас мы над ней трудимся.

С малой близорукостью бороться можно, достаточно сделать несколько микрохирургических разрезов на роговице. Ее оптическая сила при этом меняется, и человеку возвращается нормальное зрение. Это очень интересный вопрос. Это один из тех вопросов, на которые мы научились очень точно, буквально в микронах, дозировать наше вмешательство в глаз.

Думаю, что при некотором усовершенствовании оборудования можно будет вовсе избавиться от очков. Ведь оно ежегодно тратит на очки не менее 10 миллионов рублей, а это бюджет небольшого европейского государства. Только у нас в стране в год выпускается очков на 100 миллионов рублей. Я верю, что в будущем очки станут, как праля или лампы, музейной редкостью.

Было еще немало вопросов и ответов. И в них приводилось множество цифр. Да, Федоров любит цифры. И это ощущение, что цифрами нам видны большие дела, что цифрами можно выразить образ современного врача, нам не должен быть — подвигники, а не цифры. И это ощущение, что Федоров мечтал стать летчиком, но в итоге стал хирургом.

Вопрос: как вы относитесь к тому, что в юности трагически погиб ваш брат? С. Федоров ответил: «Я не могу ни разу об этом не помянуть: он считал себя очень счастливым человеком. И это ощущение, что цифрами нам видны большие дела, что цифрами можно выразить образ современного врача, нам не должен быть — подвигники, а не цифры. И это ощущение, что Федоров мечтал стать летчиком, но в итоге стал хирургом.

Вопрос: как вы относитесь к тому, что в юности трагически погиб ваш брат? С. Федоров ответил: «Я не могу ни разу об этом не помянуть: он считал себя очень счастливым человеком. И это ощущение, что цифрами нам видны большие дела, что цифрами можно выразить образ современного врача, нам не должен быть — подвигники, а не цифры. И это ощущение, что Федоров мечтал стать летчиком, но в итоге стал хирургом.

Вопрос: как вы относитесь к тому, что в юности трагически погиб ваш брат? С. Федоров ответил: «Я не могу ни разу об этом не помянуть: он считал себя очень счастливым человеком. И это ощущение, что цифрами нам видны большие дела, что цифрами можно выразить образ современного врача, нам не должен быть — подвигники, а не цифры. И это ощущение, что Федоров мечтал стать летчиком, но в итоге стал хирургом.

ОЛИМПИЙСКИ

Ключ от
Москвы,
сегодня
он в руках
у Ирины
Быковой.

К. БАРИКИН,
Дж. БАЛЬТЕРМАНЦ

Михаил Михайлович Олимпийский—призер и многоборец, симпатичнейший парень, равного ему и смельчак не сразу, да и надо ли искать? Вот он тут, весь перед вами, тапскан Олимпиады-80, добрый ее друг и верный спутник. Всегда веселый, с лукавничкой. Но чуть-чуть, в меру.

Очень, разный и сразу же узнаваемый.

Ловко и привычно расправляется со штангой — сила-то медвежья! Подтянут. Когда выходит на беговую дорожку, даже элегантен. Миша всюду поспевает, но все же его главная забота — встретить гостей Олимпиады и порадовать их, оставить память о московском празднике спортсменам. Он сувенир. Из фарфора (лучших мастеров, дулевских и ленинградских), из стекла, металла, из керамики, выкованный в бронзе, на значках и эмблемах... Сегодня сотрудники ассортиментного кабинета Росгалантереи по нашей просьбе выстроили перед фотоаппаратом строй меховых и плюшевых Михаил Михайловичей — загляденье. Щелк, щелк... Позируют вроде бы даже охотно.

У Олимпиады будут свои прилавки. Пустыми их не оставим, они должны быть щедрыми и разнообразными.

Ташими и будут! — без доли сомнения подтверждает начальник Росгалантереи Виктор Михайлович Котов. — Художники, конструкторы, заводские и фабричные

мастера к тому стремятся. Да и торговля немало этому способствует.

Работники торговли побывали на десятках предприятий. Приняли (или отвергли) десятки разборок. Нынешний просмотр — один из многих в ряду тех, что провели заинтересованные стороны, выбирая сувениры Олимпиады. Как и чем представлен сувенирный ряд?

Холода? Конечно, как же без нее. Гжель? Само собой. Тульские самовары... Почему только тульские? Дескать два различных самоваров и самоварчиков. Один другого лучше, краше, привлекательнее. С ярко-вашим петухом на «крышке», с чижиком. «Самовар кнжит, угодить не велит...»

Блистательно представлены финифть, скань, поделки из дерева, отличнейшее стекло, всякие музыкальные премудрости. Нет, не плавнино и не балалайки, им свой черед, а какие-то звоночки, крохотные модели первого спутника, наигрывающие приятные слуху мелодии...

Олимпийский сувенир начинался не сразу. Поначалу и сама торгов-

Всем самоварам самовары.

Ах эти томительные предолимпийские дни!

Мишасы Мишальки Олимпиадские...

Й МОТИВ

ля да и поставщики никак не могли выбрать из круга привычных представлений и образов. Но уже в 1979 году выпуск сувениров не только вырос почти в два с половиной раза по сравнению с прошлым годом, но и выбор стал богаче, ярче, разнообразнее. Тут и народные художественные промыслы и совсем недавно появившиеся поделки из вроде бы новых, очень красивых самоцветных камней; рушники и платки, всякая мелочь, в том числе брелок все с тем же Мишей. Эх, скажете, невидаль! Представьте, да. Выписан он, Миша, голографическим лучом, посмотрите чуть со стороны: будто только что из леса вышел Мишка.

Галина Константиновна Высоцкая, главный художник завода художественной гравюры на металле, принесла на суд несколько платков, а начальник творческой лаборатории Митищинского завода опытных и сувенирных изделий Вадим Юрьевич Фунтов показывает значки.

«Можно бы поименовать те или иные вещи и вещицы, но наберемся терпения, до Олимпиады.

На все вкус, на добрую память.

Алые паруса серебряной яхты...

В паре! Такого с олимпийскими таксами быть не может!

На суд людей знающих и добродетельных.

Г. К. Высоцкая с платком, сделанным на заводе художественной гравюры.

День проскочил как-то незаметно для Степаниды; а вот ближе к вечеру она начала томиться, разболелась голова, стало труднее двигаться, лицо и шея покрылись испариной, и она, выйдя на крыльцо отдышаться, сразу же услышала глухо, едва-едва доносившийся гул и погромывание; она тотчас перекрестилась. Где-то, еще невидимая, собиралась гроза, и беспокойство Степаниды усилилось; воздух был неподвижен и душен, даже легкого шевеления ветра не ощущалось, и деревья стояли совершенно недвижимые. Степанида вышла на середину улицы, поглядела в один край села, в другой — и улицы была почти пустыня, если не считать вездесущих кур да двух-трех человек у магазина.

В другое время Степанида обязательно бы поинтересовалась, сбегала бы за спичками или еще каким немудрящим товаром, но сейчас все усиливающееся томление и беспокойство в природе помешали. Она подумала, что напрасно выпила с Полей стаканчик вишневой, еще никогда сердце так не ныло, да и голову словно сдавило обручем. «Ох, что-то будет», — испуганно подумала Степанида, вернулась на крыльцо, присела на лавочку; в избу идти почему-то не хотелось, что-то неназываемое, непонятное, то, что все время чувствовалось в душе, ширилось и росло, отстраняло все. Степанида сидела на лавочке, словно в каком-то оцепенении; она все ясно видела, как прошел по другой стороне улицы комбайнер и механик Петя Кондратьев, как пронесла ведра воды кума Анисья и даже что-то крикнула ей, но все это она видела как бы в каком-то отдалении от себя, в каком-то разреженном мареве, и только когда вдоль улицы ударил первый порыв ветра, косо смел с нее bestолкло закудахтавших кур, заворачивая им сверху и вбок топорщившиеся хвосты и перья, Степанида словно пришла в себя. Вслед за упругим, густым ветром коротко и сильно сейчас словно сосредоточилась вся ее жизнь. Еще раз грянул гром, да такой, что все на земле лихорадочно и весело затряслось и запырило; тотчас хлынул крупный, светлый дождь, взбил фонтанчиками пыль на дороге, а там налег сплошной, темной стеной, и с крыш сразу хлынуло, и уже по улице, по канавам валом понеслись лохматые, пенные потоки. На крыльцо откуда-то вскочила испуганная, вымокшая кошка, судорожно отряхнулась, забила под лавочку у ног Степаниды и стала облизывать пегую, словно перевязанную платочком грудку.

Такого ливня и такой удушливо-темной гро-

зы Степанида еще никогда не видела; какой-то почти ужас перед таинством этой обрушившейся на землю силы удерживал Степаниду на крыльце, хотя брызги и пыль от воды, свергавшейся с крыши в сиреневый прогнущий куст рядом с крыльцом, достигали и до нее и одежда быстро сырела.

«Зальет огород совсем, господи помилуй... а то избу смоем», — со страхом подумала она, и в тот же момент в старой раките, росшей неподалеку и всегда дарившей в жаркие дни благодатную тень, что-то мертвенно-блекло вспыхнуло, и обмершая Степанида увидела огненный шар величиной в крупную детскую голову; он то раздувался, то съеживался и как живой замысловато переплывал с ветки на ветку, затем, удлинившись, превратившись в громадную грушу, капнул на землю, поплывал над нею бесформенным облачком и бесшумно утек в нее. Сквозь стену дождя распространился резкий запах свежести и чистоты; помогая себе руками, Степанида поднялась, толкнула дверь в сени; за ней опрелометью устремилась кошка; приходя постепенно в себя и обретая былую уверенность и подвижность, Степанида, охая, закрыла трубу, захлопнула оказавшееся открытым окно; в избе было пасмурно, но свет зажигать она побоялась. Гроза бушевала с прежней силой и только к вечеру начала слегка стихать, но совсем ненадолго. Завершив какой-то свой круг, грозовая туча повернула назад и вновь обрушилась на то же самое место; теперь уже вода бежала сплошь во всю ширину улицы, и Степанида, перебегая от окна к окну, везде видела один потоп.

Гроза прекратилась ближе к полночи; поднявшийся ветер разорвал и разнес ее в разные стороны, и потом еще долго погромывало то за дальним лесом, то по направлению к городу, а то и совсем в обратной стороне — над Васильковскими лугами, превратившимися от небывалого ливня в бескрайнюю водную равнину. Наконец можно было зажечь свет, выпить чашку чая, помолиться и лечь спать; Степанида так и сделала, хотя вначале от перенесенного потрясения хотела закрыть избу и идти ночевать к куме Анисье. На этот раз Степанида постелила себе на диванчике в горнице, легла так, чтобы видеть окна; их еле-еле обозначавшиеся в сплошной, густой темени проемы успокаивали. Тут же, у нее в ногах, устроилась не отходящая ни на шаг от хозяйки кошка. Степанида, ощущая тепло небольшого, свернувшегося клубочка, закрыла глаза и задремала; теплый розовый туман поплыл перед нею, начинало сниться что-то хорошее и доброе, погожий яркий день перед самой войной и первый муж — его лицо, доброе, веселое, усмешливое. Но уже в следующий момент сердце у нее мучительно оборвалось и покатилося, покатилося; она с трудом разлепила глаза и рывком села, держась за грудь, — в горнице еще стоял мучительный детский плач; облитая мгновенным холодом, она спустила ноги с дивана, вся обратившись в слух... И услышала. Прерывающийся, словно стягивающий сердце, тоненький детский плач заполнял все пространство вокруг, он словно жил в самом воздухе, в стенах избы, во тьме этой беспроглядной, сразу ставшей тяжелой ночи; Степанида сама почувствовала, что побледнела, и крупная дрожь прошла по ее враз обессилевшему телу.

— Свят, свят, — с трудом вытолкнула она из себя, нащупывая в темноте юбку; она вспомнила, что уже много раз слышала этот плач, слышала во сне, а вот теперь и наяву... Или это в голове звенит? Господи, господи... Да что же это, да как же это? За что? За что?

Степанида торопливо надела на себя юбку, непослушными руками затянула шнурок. Ей теперь казалось, что кто-то все время за нею

следит, она чувствовала неотступный, упорный и в то же время жалобный взгляд. Степанида тяжело опустилась на колени, стала молиться; вместе с привычными, надежными словами в душу входило успокоение. Она молилась долго, стараясь заглушить голос, продолжавший назойливо, по-комариному ныть в душе, и это ей в конце концов удалось. Она с надеждой и страхом замерла, прислушиваясь: да, все было тихо, покой был в мире, и в окна лилась заря, ночные страхи кончились. Она слабо улыбнулась, вздохнула; что ж, день наступал, привычный, ничего нового не сулящий, но все равно нужно было к нему готовиться, так уж извечно суждено человеку. Всякая божья тварь радуется новому дню, муха, муравей, птица в особицу ликует и трепещет, каждая травинка и листок раскрываются встреч солнцу, а у человека все заботы, все заботы, ни солнцу он не порадует, ни небу просторно, ни дождю светлому, летучему... За великие прегрешения так суждено — не может человек жить просто, в согласии с самим собой, вот ему и кара.

Степанида собралась, умылась и стала обихаживать свое нехитрое хозяйство, покормила оголодавших за ночь кур, поросенка, сходила к колодцу и принесла полные ведра, с удовольствием напилась свежей, прозрачной, как слеза, воды, налила в корытце курам. День обещал быть погожим и опять жарким; Степанида безошибочно угадывала это по какому-то особому состоянию неба, еще до солнца уже слегка размытого в середине. Она еще раз сходила к колодцу, чтобы запастись водой сразу же на целый день, затем, как обычно, пошла проверить огород. Еще вокруг было сыро, но все растущее уже почти оправилось после ливня, как бы наливалось новой силой и тянулось к небу; только в межах остались следы, чистый, промытый песочек, оставленный бегущей вчера водой. Внимательно все оглядела и не решаясь пройти в глубь огорода (земля все еще была налита водой, несмотря на непрерывный звон жаворонков, было слышно, как она продолжает впиваться влагу), Степанида совсем успокоилась. На душе у нее стало хорошо и даже празднично; теперь уже что бы ни случилось, картошка зародит, все остальное тоже даст хороший привес. Огурцы, так те прямо на глазах прибавляют, баклажаны, вон они, стоят мохнатые, довольные, так и слышно, что у них от довольства в животе урчит... Ах ты, боже мой милостивый, совсем умилилась Степанида; вслед за тем в лице у нее словно что сдвинулось, мертвело. Она опять услышала тоненький, рвущий душу детский плач, он опять прозвучал словно бы откуда-то изнутри, прозвучал и оборвался. Степанида скрепилась, вернулась во двор и, решив навести там некоторый порядок, взяла вилы и стала стаскивать в одно место накопившийся за много лет мусор. Взошло и уже высоко довольно поднялось солнце, а Степанида все работала, и тяжелая работа отвлекала ее, но в тот момент, когда она решила заодно вычистить из-под поросенка, опять в ушах у нее тоненько возник и зазвенел детский плач. Оставив все, как есть, Степанида пошла к куме Анисье.

— Ой, кума, — сказала она ей, — ой, плохо... стонулось что-то... пропадают...

— Э-э, э-э, да ты, видать, кума, от вчерашней бури? — захлопотала Анисья. — Напасти-то, напасти... молонья-то, молонья... Так во все небо и жажнет и жажнет... Э-э, я тебе отвару из травки-то... от сердца... от сердца отпустит...

— Кричит, заходится, — сказала Степанида, сумеречно уставившись перед собой.

— Чего? Кто заходится-то?

— Ребеночек... Прямо какое-то наваждение... Закрою глаза, а он заходится...

— Э-э, блазнится тебе, — недоверчиво покачала головой Анисья, и ее небольшие, когда-то ярко-голубые, а теперь словно выгоревшие глаза пытливо усталились на Степаниду. — Э-э, по-разному бывает... Надясь, слыхала, в ту субботу бабу одну с Воскресеновки в церкву ввели, а она давай биться, давай ее ломать... глаза закатили, посинела... ну, утопленник, и только... Может, на тебя, кума, порча напущена? Я...

— Окстись, — остановила ее Степанида. — Да на меня-то за что? Что я, жениха у кого отбила или зло какое кому сделала? Тоже скажешь...

— Э-э, всяко бывает, — горячо принялась убеждать ее Анисья, у нее даже глаза от возбуждения ожили, мглисто замерцали. — По промашке бывает, в одного метят, а другому попадает. Сколь раз такое случалось... Э-э, кума...

— Да ну тебя, кума, — рассердилась Степанида. — Мелешь, мелешь без удержу... Ну, какая там промашка? Кошке, что ль, моей метили? Скажет, хоть на лопату да выкидывай...

— А коли твоей Ольке метили? — с торжеством в голосе поддела Анисья.

— Олюшке? А ей-то за какие такие радости? Она и в селе кой год не живет...

— Мало ли как бывает... Это добрые дела скоро забываются, а злые — они до самой могилы за человеком волочутся, все цепляются, все цепляются... Говорят, в северных лесах где-то церковка есть... махонькая вроде, махонькая, а туда сколь хошь народу влезет...

Вот к ней как человек порченный подходит, на церковке-то все лики святые огнем загораются, а человека того прямо корежить начинают... Кричит он, кричит... А потом раз — и отлетела вся порча, лежит он, бедненький, ни кровинки, покойник покойником... Когда потом отойдет на второй день, на третий, а то и через неделю...

Степанида, сделавшись необычно молчаливой, внимательно слушала Анисью, знавшую множество самых невероятных историй, но, судя по ее сосредоточенному, сумрачному лицу, вряд ли что из Анисьиных историй до нее сейчас доходило.

— Хоть и обидно, а правда девка у меня какая-то червивая вышла, — неожиданно высказала Степанида свою горькую и долго вынашиваемую обиду. — Лицом вышла, телом взяла, а червивая, и все тебе. Видать, от отца это у нее... Я к тебе, коли что, ночевать приду, кума, — добавила она. — В окошко стукнусь...

— Приходи, приходи, — обрадовалась Анисья, живущая тоже в одиночестве, после того, как последний, младший сын перебрался на житье в Курск. — Чайку-то вдвоем похлебаем... господи, господи, — внезапно разволновалась она и ладонью вытерла набежавшие на глаза слезы. — Зовут, зовут, и один и другой... Продавай, пишут, свою хибару... Вишь, ужé родная изба им хибарой глянется, — обидчиво заметила она. — Зовут, а как поедешь? Тут я сама себе, где хочу, там ляжу, где хочу, стану, а там? Э-э, господь с ними... Только сподобил бы господь на своих ногах помереть...

Степанида вернулась домой и до самого вечера все заглушала свои горькие мысли работой, прибрала в кладовке, почистила в погребке, порубила лопатой в палисаднике гонко поднимавшийся бурьян, освободила кусты цветов, посаженных еще Олюшкой и с тех пор из года в год гнездившихся под окнами избы и зацветающих бледно-розовыми кувшинчиками ближе к осени, к холодным дням. Степанида так ласково и называла их «кувшинчиками».

Прошла другой стороной улицы почта-льон-

ша Поля, издали поздоровалась с нею; Степанида разогнулась, молча кивнула. Сколько бы она ни работала, усталости не было; ей только казалось, что время идет слишком быстро, и день вот-вот кончится; уже поздно вечером, расчесывая гребешком на ночь голову, она поймала себя на том, что все время чуть-чуть прислушивается; особенно усердно на этот раз она помолилась и легла, оставив зажженной маленькую лампадку в переднем углу перед иконами. Тихий, непривычный полумрак жил вокруг; однажды на огонь лампадки наскочила шальная муха, чуть не погасила его и тут же свалилась на пол с обожженными крыльями. Степанида все лежала с открытыми глазами, прислушивалась и думала о прошедшей жизни. Непривычная и тяжелая это была ночь для Степаниды, что-то извечное нарушилось в самой основе ее жизни, и теперь все подпоры истончились, ослабли и рассыпались; она теперь безошибочно знала, что случилось, но это знание таилось пока в какой-то самой отдаленной и темной глубине ее существа, и она сама боялась разбередить эту пугающую глубину; и кружила, кружила вокруг, перебирая все второстепенное, неглавное в своей жизни, все, что было и прошло, не касаясь главного, того, что разрывало сейчас все ее защитные одежды и прикрытия. Все было в жизни, и плохое и хорошее, в девках она была собой красивая, видная, кровь с молоком, и женихи были, и первый муж страсть как любил ее и баловал, и матерью она неплохой была, вон девку на специалиста выучила, копейку к копейке прикладывала, девка институт окончила... А теперь что ж, теперь ей все блазнится, что ее кто-то поджидает, все время кто-то ее поджидает. Сердце порой так и сохнет с места, так и сдвигается, ни встать, ни лечь... Что ж это? Неужто, как эти ученые говорят, ничего и не будет больше? Вот так прошел, оттопал, оттрудился, протер глаза, гляди, ничего больше и нет... а кто-то все ожидает, ожидает...

Еще одна муха наткнулась на огонек, Степанида слушала ее косое падение к полу.

Вот так, ни добра тебе, ни памяти, обожглась, свалилась... Да и было ли что? Вроде и

Е. Романова. Род. 1944. УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И. В. ФАЛЕЕВ. 1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

А. Бахареv, Род. 1950. МОИ ГОСТИ. ПОРТРЕТ МАЛЯРОВ ГАЛИНЫ ДУХАНИНОЙ И ТАТЬЯНЫ СУГЛОВОЙ. 1979.

Всесезонная выставка произведений молодых художников.

«ПРОЩАЙ, БАКУ!...»

Из цикла стихов «За есенинской строкой»

Начальная строка стихотворения
родилась легко, как бы сама со-
бой: «Прощай, Баку! Тебя я не
увяжу».

Он уезжал из города ветров
и ксе мая, когда солнце стано-
вится жарким, над промыслами
появляется сероватая дымка, а с
моря все больше и больше начи-
нает таять запах водорослей и
рыбы.

Ему полюбился этот рабочий, ни
днем, ни ночью не отходящий
город с узкими пыльными улочка-
ми, домами под пыльными крыша-
ми, с людьми самых разных наци-
ональностей, чьим тяжелейшим
трудом добывается так нужная
молодой Советской стране
энергия — «черная кровь земли».

День был безветренный, ясный,
и Есенин, присев на край еще не
покрашенной после холодных ме-
сяцев скамейки, смотрел на солнеч-
ные блики — они асфальтивали
то здесь, то там на спокойном, ле-
нино вздымавшемся у деревянных
причалов море.

«Прощай, Баку! Тебя я не уви-
жу».

Он вслух повторил строку и за-
думался: почему же «не увижу»?
Разве не повлечет его, как уже бы-
вало, сюда, на замкнутый берег
Каспия — «Хазара, к добрым и чут-
ким друзьям, в заваленные грама-
ми и рукописями прокуренные
комнаты «бакинских рабочих», в
мистерскую скульптору Эрли, в
деревянную тишину Марджан,
где по вечерам не умолкали бес-
хитрые песни местных, поэти-
ческие разваски, воробей? По-
вечеру, конечно, повлечет, и он
снова приедет под это палющее
солнце и будет выдыхать терпкий за-
пах нефти и моря, удаляться ро-
маном на радость пыльным и боль-
шим — большие кулаки... Но в гу-
бине груди звучала какая-то груст-
ная нотка, скрывающая само сердеч-
ное выплескивалась в первые сло-
ва рождающегося стихотворения...

Недалеко от прибрежных кам-
няхили редкие рыбачье
лодки, на горизонте медленно
двигался черный силуэт судна. Эта
картина Есенину напоминала Батум,
зеленую набережную, пароходы,
уходящие туда, на Босфор, в Кон-
стантинополь... Вспомнившись, рас-
сказали батумских стариков о
том, как их деды и отцы стреляли
в диких кабланов прямо из окон
своего дома; о том, как в последние
дни перед войной они лезли по
скалам к самому городу.

Перед мысленным образом Есе-
нина возникли живописные пейза-
жи Грузии: же хребты горы
роги, летящие по склонам гор
развалины старой крепости, воз-

вышающиеся над городом; тихая
Коджорская улица в старом Тиф-
лисе, где русского друга навеща-
ли грузинские писатели... Что сей-
час делает Тициан Табадзе, вос-
хождение доброты и душевной
щерости, пост же быльминой? Как
подробно знает он старый
Тифлис, как точно перед гостем
раскрывал он душу своего горо-
да! А здесь — Петр Чагин. Моло-
дой еще, но уже второму секретарю
ЦК, редактору крупной газеты,
близкий соратник Кирова...
Удивительные люди!

Есенин улыбнулся. Ах, Чагин,
Чагин! С какой хозяйской основа-
тельностью показывал он в прош-
лом году промыслы, знакомые с
нефтяниками, говорил о новом
быте рабочих. Как тут было не
возвратиться на стихи! Пусть их
кто-то порицает, но стихов по-
лучились. Есть там строки и о
Петре Ивановиче:

Дли, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как бумажки по бумаге.
Недавно был в Москве.
Значит пот в нем —
В стихотворении
Нас посещает Чагин.

«Смотри, — он говорит, —
Не лучше ли перенести
Вот эти вышши
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических
туманов,
Вострой, поэт,
Что крепче и живей».

Он прав, партийный руководи-
тель, друг... В этом рабочем го-
роде, овеянном славою двадцати
шести комиссаров, Есенин на мно-
гое стал смелее, по-другому,
испытал новые чувства... «Хочу я
стальною идеей бедную, нищую
Русь» — это написано в Баку по-
сле того, что увидено, прочувство-
вано, пережито на ашшеронской
земле, а Закавказье, в Грузии он много
работал. Только в «бакинском ра-
бочем» впечатлел, наверно, око-
ло пятидесяти произведений. Но
пора ехать домой, на родину...

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь
и в сердце под рукой теплота
и чувствую сильней близость
слова: друг, прощай!

Прощай, Баку! Силуэт твой
Хватает кров, ослабевают силы.
Но дождет нас счастье, до
могли бы
и волны Каспия и балаханский
май.

Там, среди холмов Балахан, за-
росших низким кустарником и
хвойной травой, в жилище певца
Джабара Карагым-оглы, где со-
бирались искушенные в поэзии
люди, на шумном базаре —езде
он встречался с народными песн-
никами, и Есенин, забывшись, по-
решил душу, но и заставлял
бы ее встретиться, обрести
крылья. Они звучали чаще всего
на языке народном, Есенин,
он все равно понимал их со-
временный смысл. Понимал сер-

цем и радовался тому, что есть
тайна слития музыки и слова и
эта тайна непостижима...

С севера, через море и ре-
ки, горы и долины, его звала к
себе Русь Россия. Звала земля,
уже сделавшая первые шаги по
новому, неизведанному пути —
пути Ленина.

2

...Столько писателей из бра-
тских республик и стран социали-
стического содружества Азербайд-
жин еще никогда не видел.
1 октября 1975 года более ста
двадцати поэтов и прозаиков,
публицистов и драматургов, ли-
тературоведов и критиков сошли
с двух воздушных кораблей на
ашшеронскую землю и очутились
в дружеских объятиях встречаю-
щих. Мелодии народных инстру-
ментов слились со словами за-
думанных приветствий, бесче-
сные букеты осенних цветов — с
яркими красками национальных
костюмов девушек и юношей...

Дни советской литературы в
Азербайджане... Они широкие
половодьем разлились по всей
республике. И всаду, где шла
речь о благотворном влиянии
русской советской литературы на
писателей Азербайджана, звуча-
ли имена Горького, Блока, Мая-
ковского, Есенина.

С той поры, когда Есенин про-
стался в Баку, минуло более по-
лувека. До неузнаваемости изме-
лилась земля Ашшерон, ее сто-
лица. Нов республику счастли-
во соединила в себе «каменное и
стальное» с живым и зеленым.
Действительность еще раз под-
твердила необходимость связи,
о которой писал Есенин: «Встань
ряд и крестьянин и пролетарий,
Людам, как хлеб и воздух, стали
необходимы книга, песня, поэти-
ческое слово».

Той осенью немало было во-
лнующих встреч труда и искусства.
Об одной скажу особо.

«Памятный уголок в Марджан-
ке. Граничная стена с разветви-
той бронзовой книгой. На ее
страницах горельеф Сергея Есе-
нина и записанная строфа
его стихотворения, созданного
перед отъездом из Баку в мае
1925 года:

Прощай, Баку! Прощай, как
В последний раз я друга
прощаю...
Чтоб голова его, как роза
задохшая,
Кипела нежно мне в сереющем
целуе».

3 октября 1975 года В этот
день Есенин исполнилось бы
80 лет. Участники Дня литерату-
ры, тысячи бакинцев, жителей
Марджан и окрестных сел за-
полнили улицы, прошаду перед
монументом. Это был подлинный
праздник братства, поэзии, празд-
ник, который потом продолжался
в саду, недалеко от дачи — где
когда-то жил Есенин и где откры-
та комната-музей. И все, что тог-

да говорилось, показывало: в
том прошедшем, стихотворении
поэт мысленно обнимал своего
друга и вместе с ним — рабочий
город не в последний раз. Лю-
бовь оказалась сильнее и не-
подвластной времени.
Вот к Есенину обращается Ни-
колай Тихонов:

Ты сказал в тени бакинских
башен:
«Смычка есть рабочих
Дайте смичу всех поэтов
Стихотворных онеки»
Их, наших,
И свершилось!

Под той тобой поэты
Самых разных голосов и сил
Длились тебе об этом речи.
Встал рядом — кисти и просил.

Выступил Валентин Катаев:
Есенин любил Баку. Он мне
всегда говорил, что нужно не-
пренебрежимо каждому поэту
в Баку, потому что его опре-
деленность, чуждость, близость
Встает Жука Раб — гостя из
Венгрии.

Появля наезд теплоту ба-
кинских улиц Сергей Есенин...
последнего крупного поэта
Баку и Марджан... И оставшие
нам песни звучат как по небу-
там. Азербайджан его поинит,
считая своим «каменным» городом.
Продолжал Амига Кюриал-
ли — поэт земли Низами, пере-
давая есенинских стихов на
азербайджанский язык:

— Есенин для меня — учитель в
поэзии. Как мой землянин, я
рад, что он жил на нашей земле,
встретил нас с Кировым и Фрунзе,
вступил перед рабочими нефте-
промыслам.

Здесь о тебе сказано «нам»,
В тебе увидели родного
Баку, который выжил из себя
Одно-единственное слово!

Бакинцев приветствует Егор
Исаев:

В моем сердце мне хочется
сказать вам спасибо за Есенина,
спасибо за любовь и нему, за па-
мять о нем. У каждого великого
поэта всегда есть свой особый по-
мол и место в нашей жизни. Есе-
нина это бодинская осень, у
Есенина — бакинская весна... И
в частях похвалы в бакинскую
весну Сергея Есенина.

День был безветренный, ясный,
и люди открывали души, сонный
и поэзии. И вместе с людьми слу-
шали, не слухившись, розы,
такие же золотые, как и те, лю-
бимцы Есенина.

А когда стемнело — в Бакин-
ской филармонии состоялся поэ-
тический вечер. Среди других
есенинских произведений чита-
лись «Прощай, Баку!» и «Среди
бакинцев и их гостей вникали
этим стихам, в которых нет неба-
льших ритмов, изысканных эпи-
тетов, эпитетов, метафор, пере-
ходов. Но в стихах этих живет
очарование красотой жизни и пе-
чаль от сознания ее быстротеч-
ности, неотвратимости расставан-
ия». Сердце поэта, прелез
время, как бы говорило с серд-
цами заполнивших зал, и эта бе-
седа была искренней и светлой.

А совсем неподдающуюся за-
думки филармонии миррады огня от-
ражались в море, и оно лениво
вздыхало — величавое и спокой-
ное.

И на берегу, где когда-то, при-
сев на край еще не покрашенной
скамейки, Есенин повторял пер-
вые строки прощального стихо-
творения — мне восточный, рас-
тропленный голос Сулеймана Ру-
стама:

— «Прощай, Баку!» — сказал
ты, Есенин. Но мы, проносив эти
слова, не прощались с тобой. На-
т, никогда — не прощай, на-
всегда — здравствуй, дорогой друг
наш, Сергей Есенин!

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦА СПУСТЯ

А заказанную мне статью в «Джунху кроу» все-таки опубликовали. Три с половиной месяца спустя.

Для чего же потребовалась редакция такая продолжительная? Для забора редакционной подготовки материалов, прощающих статью и автора.

Вышестоящие сионистские организации после долгих дебатов разрешили в конце концов своему амплуазному органу опубликовать статью. Но...

Первое условие: напечатать выступление советского писателя в окружении громады контрамаршалов, признающих, поставив под сомнение все написанное им о сионизме. И второе: разглагольствовать фарс раскаяния редакции в содеянном, то есть опубликовать в следующем же номере (а как же обязательный трехдневный срок, необходимый для подготовки номера!) своим писем «возмущенных читателей с покаянным примечанием редакции».

ры «тех или иных антисемитских книг и брошюр, о которых говорится в статье. Они ведь не те или иные, у них есть имена: Динна Мосли, продолжательница дела вожака английских фашистов Освальда Мосли, и ее идеолог Давид Ирвинг. Вот как странно «контрадирически» статью те самые руководители «Джунху кроу» о которых я впервые услышал точные оценки упомянутым книгам. Помните, Рейзин назвал «жоскорова» для евреев, а Готфрид Полл выразился еще определеннее: «Антисемитская страсть».

Во-вторых, я в статье имел в виду пресловутый «еврейский вопрос в самом отвлеченном антисемитском толковании неонацистских писков. А после редакционной «правки» создается впечатление, что советский автор признает наличие перманентного еврейского вопроса, но почему-то возражает против возрождения этого вопроса «самым откровенным образом!» Вот уж действительно ловкость рук.

Через два дня после появления на страницах «Джунху кроу» статьи «Никакой дискриминации» группа руководителей сионистских организаций собралась в Уоберн-хаусе, в одной из штаб-квартир британских сионистов. Ответ об этом внеочередном совещании успел (опять-таки вопреки редакционно-издательскому графику!) появиться в следующем же номере газеты под названием «Письма в адрес русского писателя».

Впрочем, как и было предусмотрено сценарием, ораторы, чтобы развлечь «массовое воз-

«комитет 35». Рита Экер, Дорин Гейнсфорд, Линда А. Алмс, Маргарет Райчел подписали пространное письмо от имени комитета.

Четыре дамы, сразу же взяв быка за рога, напомнили редакции, что автор злонамеренно статью приехал «с целью нигилистически по отношению к еврейскому вопросу в газете и свободе печати». Из письма разглагольствую дамы я узнал, что мне удалось то, что не удалось другим, — «уговорить еврейскую газету опубликовать подобный материал. Но никто из советских журналистов никогда не уговаривал редакторов «Джунху кроу» публиковать его статью в их газете. Не уговаривал, как известно, и я.

Зачем же корреспонденту «Огонька» понадобилось «подходить трибуналу? Тридцатипятилетние дамы отвечают: «чтобы подорвать еврейскую солидарность по всем мирам». Как, однако, заставить!

Хотя письмо руководителей «комитета 35» только открывает целую серию помещенных в том же номере пространств «читательских» откликов, редакция «Джунху кроу» именно его оспаривала покаянным примечанием. Запутавшись в туманных фразах о том, почему она надеялась заинтересовать своих читателей статьей «члена Союза писателей СССР, редакция под конец задалась: «Джунху кроу» имеет не большие отношения к статье, подписанной г-ном Солодарем, чем к любому другому авторскому материалу, опубликованному в газете. Наша позиция в отношении советских евреев остается неизменной.

Итак, под рубрикой «Два лица советского еврейства» рядом с моей статьей «Никакой дискриминации» поместили статью некоего Вениа. Причем уведомляю читателей, что первый автор — член Союза советских писателей, второго наделили туманным, но зато внушительным титулом побывавшего в России эксперта по восточноевропейским делам. И тут же сообщают, на какой странице этого номера можно прочесть подборку писем о том, кто собирается покинуть Советский Союз ради Израиля.

«Подтвердили ли в «Джунху кроу» мою статью? Легко, в весьма легком.

Например, в статье было сказано, что брошюра Харуца, ставшая под сомнение массовое истребление гитлеровскими войсками миллионы евреев, издана в Лондоне.

Господа же редакторы вычеркнули «в Лондоне». Авось неосведомленный или невнимательный читатель подумает, что в другой стране или даже, дай бог, на родине автора статьи.

В авторском оригинале говорилось:

«Конституционные писания левит Динна Мосли и Динна Ирвинга воссоздают пресловутый «еврейский вопрос в самом отвлеченном антисемитском толковании».

В «Джунху кроу» напечатано:
«Главе те или иные книги или брошюры, издаваемые в Великобритании, не возрождают еврейский вопрос самым откровенным образом».

Грубое искажение и фактов и мыслей.

Во-первых, не называя пронацистские ав-

мущения, большие критиковали «обманутых» авторов редакторов «Джунху кроу». Тот задавал выступившая первой наша старая знакомая Джун Джойкобс. В опубликовании моей статьи она усмотрела злоупотребление... свободой печати.

Другой пропагандистский тип английских сионистских организаций, уже известный читателю Майкл Фидлер, поддержал председателя «национального совета в защиту советского еврейства» и заявил, что публикация статьи советского автора «не заслуживает ни малейшего оправдания».

А что скажет Лебенберг? Выступления главы филиала всеудущего «Союза» все ждали с особым нетерпением. Господи Лебенберг не так уж часто удовлетворяет своим присутствием эскадрильи совещания и еще реже выступают. Он, как говорят в сионистских кругах, предпочитает прислушиваться и присматриваться.

Но сей раз Лебенберг, однако, высказался. В противоположность всем предыдущим ораторам он смиренно начал с того, что же возражает против опубликования статьи. Небольшое замешательство в зале. «Но...», — потребовал редакция Лебенберг, «читатель должен узнать, кто этот автор. Я полагаю, что еще не поздно дать ответы».

А так как ответ, вернее, ответы были уже даны заготовленными, их начали публиковать в том же номере «Джунху кроу».

Глядя на подписи, так и хочется воскликнуть: «Ба, знакомые все лица!» Авторами всех пунктов является исключительно руководящие деятели британского сионизма.

Почин положили, как и следовало ожидать,

Насчет неизменности позиции в старательно раздуваемом международным сионизмом «еврейском вопросе» сомневаться не приходится. А вот насчет того, имеет ли не имеет редакция отношение к моей статье, тут вы, мисстеры Полл, Рейзин и Бен-Шлоном, мягко выразились, перестарались и боитесь прямо сказать правду, то хотя бы промолчали. Вашей топорной лжи не верят даже вы — самые неуклюжие — единомышленники.

Под видом откликов «дрова» читатели газеты напечатала еще письма Барбары Оберман, известных в Лондоне сионистских функционеров — мисстера Колмана и мисс Мунин. Все охотно выполняла директиву всевышнего Лебенберга, пишущего не о статье, а об авторе.

Особенно их раздражают те странности книги «Динна польна», где со ссылками на исторические исследования и документальные свидетельства рассуждается о контактах сионистских лидеров с гитлеровцами. Понятно, большое место! Помните, ведь все попытки сионистов фальсифицировать некоторые страницы книги прежде всего связаны именно с этим, особенно уязвимым сионизм, позорным фактам.

Остается только напомнить моим лондонским оппонентам еще одно — убийственное для дела сионистского самозащиты, — упомянутое в «Динна польна». Речь идет о документированной серии статей немецкого журналиста Ганса Хене, озаглавленной «Под знаменем чести и совести». Не буду перечислять всех описанных там страшных преступ-

Окончание. См. «Огонек» №№ 9—13.

денги ему дают огромные. Значит, дело тут не в еврейском патриотизме. Просто магнаты выгодно поддерживают сионизм. Он, дурак, не только окупает расходы, но имеет хорошую прибыль.

— Вы слышали про «Бай-бриты»? Очень хитрое объединение сионистов, международное. Его лозунг: пожилые должны давать деньги, а молодые должны работать. Я не хочу давать сионистам ни пенса, а мой сын должен не «действовать», а работать и зарабатывать. И только там, где он выкосил Поля, правда, работы у него нет. Присутствие богачей по рыноку, voluto случайные заработки. Надеясь, шолом-алекемским человеком воздадут он не может.

О расправе израильтян с арабами на палестинской земле известно страшные вещи. Если это хотя бы наполовину правда, значит, сионизм очень жесток. Не хочу связываться с колонизаторами, с карателями. Мой родственник из Лидсы побывал в Израиле по делам фирмы и по секрету рассказал мне, как израильские оккупационные власти пытаются в тюрьмах малолетних арабов. Ужас!

— Из таких, как мы, денег не выкачают. Поэтому сионисты не могут получить только как люди, которые, может быть, уйдут с уговором покинуть Англию ради Израиля. Меня не уговаривают.

— Мои предки переехали в Англию из еврейского местечка в Польше после погрома назад. А полка Эбигней Бжезинский — вы, наверное, слышали, он помощник американского президента, — попал в Штаты уже почти взрослым. Но Бжезинского нинто, в том числе и сионисты, не находят ослонку, мне они говорят: почувствуй себя в Англии евреем! На каком основании?

— Моя старуха мать иногда захаживает в дом, где собираются сионисты из какого-то их объединения. И то, что она рассказывает, мне противно слышать. Она рассказывает, как возвращают не защищающие цветных, зачем вы в Англии лишние конкуренты! Это пахнет нацизмом. А называют себя демократами, борцами за справедливость. Какое лицемерие!

— Да, как и в Израиле. Сидят же в тюрьмах страны Западной Европы, сионисты в Англии прежде всего лицемерны. А лицемерие неразрывно связано с ложью.

«Есть три категории завязанных людей», — писал Шолом-Алейхем, — плуны вчерашнего дня, плуны сегодняшнего и плуны завтрашнего дня». Сионистским пропагандистам блестяще удалось добиться полного триединства, совместив в своем лице все три категории завязанных плутов.

Лживы их рассказы о вчерашнем дне сионизма, они придумывают мифы о своей борьбе с гитлеризмом, пытаются представить колонизацию палестинской земли этноидной идиллией. Босни рассказывают они и про сегодняшнюю израильскую действительность, вываливают классовые и расовые противоречия среди израильтян, под прикрыванием трогательных лозунгов зверски расправляются с искионскими жителями оккупированных территорий. Нет правды, наконец, в их обещаниях на день завтрашний: под лозунгом «Бейте трескотню о мире на Ближнем Востоке» не прекращают милитаризации страны. Да разве можно переступить все проявления и приметы лжи сионистской пропаганды, о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем днях международного сионизма!

Все это в полной мере относится ко всем — крупным и малым, мужским и женским, старинским и молодежным — организациям сионистов в Англии. Не все касается методов работы, то, муссируя миф о «Бейте перчаток», они на деле выполняют указания Владимира Жаботинского, чьим учеником с гордистской агентурой «Бейте перчаток» Жаботинский писал в практическом руководстве для сионистских активистов: «не будьте разборчивыми».

Что же, в излишней разборчивости сионистов Великобританию трудно упрекнуть.

«Лайковые перчатки» нет и в помине! Ис-

тинное лицо сионизма Англии достаточно выразительно обнажает его пресса, поддерживающая карательную практику израильских оккупаторов на арабских территориях и одновременно, как мы уже знаем, старательно обходящая молчанием погромные акции активизирующихся британских неонацистов. Отдельные сионисты пошли еще дальше: вступили в Банды «национального фронта», участвуют в его митингах и демонстрациях, призывают к зверским расправам над цветными и «черными».

Такие факты даже в самой Англии показались кое-кому маловероятными. Приведу поэтому неопровержимое доказательство, как говорится, от противного: наиболее злобная неонацистская организация, имеющая себя «британским движением», настолько обеспокоена притоком английских евреев в «национальный фронт», что открыто выражала свое негодование и окрестила «национальный фронт» издевательской кличкой «кошерный фашизм».

Кто же они, евреи, блокирующиеся с погромщиками из «национального фронта»?

— Самые обыкновенные сионисты, — объяснили мне в Лондоне.

Таким образом, если учесть, что молодежники «национального фронта» и прочих группировок профашистского толка принято называть обыкновенными неонацистами, то в стране найдется трогательное затеиное обыкновенного сионизма к обыкновенному фашизму.

Что ж, давняя традиция возрождается! Как трудно не вспомнить о контактах «тигровых плутов» со многими сионистскими деятелями из Германии, Швеции, Палестины, Венгрии, Чехословакии, Польши! И как не подчеркнуть, в Израиле видными государственными руководителями!

Некоторые из блокирующихся с неонацистами британских сионистов, как мне рассказали, оправдывают себя тем, что их присутствие «нацистском» фронте отвечает его от чужих на эти действия. Не случившись, анализируя в книге «Фашисты» методы пропаганды «национального фронта», преподаватель Бирмингемского университета Майкл Бьюкс установил, что этими методами в последние времена проповедуется «утонченный антисемитизм».

Обязан сказать еще об одной примете сионизма в Англии. Не раз приходилось мне слышать там об особенно враждебном отношении сионистов и покровительствующих им кругов к Коммунистической партии Израиля. Даже такое мне сказали:

— Подчеркнутая ненависть богачей к израильским коммунистам в наших условиях традиционна. Она зародилась в 1919 году с первого дня основания коммунистического движения в Палестине, когда коммунисты были подмандатной британской территорией и всецело подчинялись колониальным властям.

Истинный и, как оказалось, весьма глубокий смысл этих слов я постиг только впоследствии, когда прочитал в «Правде» статью Генерального секретаря ЦК Компартии Израиля товарища Меира Вильнера о полном «Бейте перчаток» шестидесятилетнем пути израильских коммунистов.

Почему английский империализм сразу же разгадал, в коммунистах Палестины своих убежденных, нетерпимых и особенно опасных для колониального режима противников? Почему в течение двадцати лет коммунистической партии пришлось действовать в тяжелейших условиях политического и экономического антисемитизма? Кто купил с сионизмом и арабским реакционным кругам беспощадно преследовать ее?

Точный и убедительный ответ на эти вопросы мы находим в статье товарища Вильнера: на сионистские колониальные власти, опираясь на сионистские круги, имевшие арабскую распроданность, применяли империалистический метод «разделяй и властвуй». Таким образом мы увидели араба от времени провоцировать против себя, что наносило ущерб антиимпериалистиче-

ской борьбе и препятствовало развитию классового сознания трудящихся. Коммунистическая партия призвала к созданию единого фронта арабского национального движения с еврейским демократическим движением за независимость Палестины. Это была борьба, которая отвечала интересам как арабских, так и еврейских масс.

Естественно, такая борьба, подрывавшая интересы и хищнические доходы английских колоний в Палестине, вызвала с их стороны обеспокоенность и ненависть к палестинским, а впоследствии и к израильским коммунистам. Колониализм ответил коммунистам бесчеловечными расправами!

«Британские колониальные власти», — пишет далее товарищ Вильнер, — жестоко преследовали коммунистов, арестовывали, пытали, убивали. Они изгнали из страны около двух тысяч коммунистов, в том числе многих руководителей партии».

Шесть десятилетий накапливалась в сознании английских империалистов злоба Английской Коммунистической партии Израиля, и они видят одного из главных виновников того, что Великобритания лишилась колониальной собственности над палестинскими землями. И ныне наследники финисисовых магнатов и крупных предпринимателей, потерявшие огромные доходы от эксплуатации Палестины, не могут забыть роли коммунистов в борьбе за независимость израильских колонизаторов. Остаются добавить, что среди опустошавших от этого изгнания имевших немало английских капиталов еврейского происхождения, выступавших сегодня в роли видных правящих британских политиков.

— Убеждаетесь, как это был в день шельмуют коммунистов Израиль сионистская печать Англия, — сказала мне в Оксфорде библиотечная работница, показав семь обильных папок, содержащих газетные вырезки. — И, как видите, не только «сионистские» правые английские газеты тоже не плетутся в хвосте и обвиняют израильских коммунистов во всех бедах страны. Журналисты этих газет знают: на территории Израиля принято шекотать нервы коммунистам, а в Великобритании — на фирм и кланов, скрывающих об утрате палестины. И, естественно, это густо сдобряется яростным негодованием по поводу того, что сегодня коммунистическая партия продолжает оставаться в Израиле.

Объединяющей и евреев и арабов. Не стану утверждать, что проник в самую глубь сложного и в значительной степени законспирированного механизма сионистских организаций Англии. Но в некоторых сионистских организациях и редакциях побывав, о многих из функционеров и сотрудников встречался лицом к лицу. В чем же убедили меня эти встречи!

Прежде всего в том, что в Англии сионисты, как и в Израиле, не имеют никаких политических единомышленников, считают своей первейшей обязанностью верно и действительно служить антикоммунизму, проявить себя поистине удивительным отрядом мирового империализма. Верные классовым интересам своих правых, они не имеют ровню никаким организациям, действующим себя с еврейским населением Англии.

Возможно, не так уж много там активных участников, но преобладание убежденных несионистов очевидно. Иные, правда, с марксистским автоматизмом выплывают сионистам свои «ешкелы» — денежные взносы. Иные не находят в себе решимости критиковать сионистов, опасаясь за судьбу своих детей, даже ходят на сионистские сборы. Но подавляющее большинство британских евреев глубоко чужд руководящим сионистам Израиль, они не считают себя обязанными поддерживать их. Иные, правда, в Палестине трескуют о «едином гражданстве» обоим родная страна та, где они родились, выросли, живут. Чужд им реакционный лагерный антисемитизм и ненависть к коммунистам, ненависть к империализму, ненависть к практике буржуазного еврейского национализма.

Не по пути ми с сионистами.

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ

Кинообзорение

Юрий ТЮРИН

жене эмоциональный опыт поколения, которое творит, вспоминая. И вспоминает, творя. Фильм армянского режиссера Альберта Мирчяна «Добрая половина жизни» посвящен современности, только соотносит он современность с кардами-воспоминаниями о военном детстве героев. Авторская позиция принципиальна, последовательна. Сумму нравственных ценностей человека можно до конца определить, лишь взглянув в его детство, сравнив тогдашнюю надежду с ее нынешним воплощением, измерив человека чистотой его давних представлений о жизни.

Тогда отчетливой различимой светлостью души или душевной грязью.

В тот день — день случайной и радостной встречи с другом детства — Армену, изначальную цену одного из крупных химкомбинатов, исполнилось сорок. Добрая половина жизни осталась за плечами — не успел как следует даже заметить, как пролетели дни. А теперь пришел срок оглянуться, поискать другую, не столь хлопотную и опасную для здоровья дисциплину, подумать о переселении в Ереван. Что я успел? — сокрушается Армен, сиротливый Г. Манукианом. Наладить относительно ритмичную работу цеха? И все! Но как изурнирывать эти бескомпромиссные авралы, как наводять подгонять нерадивых, отвечать за чужое легкомыслие? Душа Армена болит, она жаждет покоя.

И тут-то путь его пересекается с Гайном, давним товарищем, чье путешествие на фронт отца, вырвавшим почти без надзора, потому что матери приходилось с утра до ночи работать на заводе, Гайн — искусство Армена. В свои годы он преуспел, стал начальником стройуправления. У него много деловых приятелей в Ереване, его привлекают офицеры в ресторанах. Гайн — инцидентен, изобретателен. «Любо тебя бьет, любо ты бьешь», — напористо учит он друга детства. Нельзя расслабляться, нельзя быть лентяем. Другим не видится лет двадцать. И вот теперь, случайно столкнувшись на автовокзале, они едут к своему «заветному дереву» — совершают «путешествие в обратном» мысленно переносятся в дни полугодичного детства. У одного одинокого старого дерева они, мальчишки-подранки, делили пополам корочку хлеба, самозавоевали, слушали граммофон, насмались простенной мелодией. Они любили друг друга и верили в жизнь. «Мое детство для меня свято», — все повторит Гайн, вспоминая давний день рождения друга.

Увы, дерево оказалось спленившим. Детство не вернулось. День в обществе Гайки, начав-

шись праздником, обернулся разочарованием. Мальчишка из военных лет превратился в логического потребителя, обыкновенного поддона. И закономерно в финале расставание бывших друзей. Нравственная стоимость их оказалась далека от равновесия.

Сценарий Р. Савтопки-Мирского дал возможность актеру Ш. Казаряну, впервые получившему столь значительную по материалу роль — он сыграл Гайку, — создать образ убедительный, достоверный.

Фильм «Добрая половина жизни» оказался заметным среди «лирико-ностальгических» картин нашего кино. В лучших своих эпизодах он вызывает сочувствие, мужественно решая нравственные альтернативы. Правда, поочер режиссера А. Мирчяна неровен: «производственные» куски картины (авария на химкомбинате, например) стереотипны, ритм для них не найден; да и роль Армена, основного выразителя авторской позиции, излишне рациональна. Но добрая половина метража фильма сделана профессионально, финал же просто волеит.

У Армена и Гайки путешествия в детство не состоялось. Хотя оно было, это далекое светлое военное детство...

Было! На свой лад рассказывает о нем киргизский режиссер Болотбек Шамшиев, экранизировал на «Ленфильме» известную повесть лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматов «Ранние журавли». Действие этой строгой и одновременно поэтической картины переносит нас в горный киргизский аул. За тысячи верст отсюда, далеко на западе, гремит война. А здесь, в нетопленной сельской школе, по призывам от бескомпромиссных домов, подрастают дети тех, кто ушел на фронт. С терпением они ждут от отца хоть самых сухих вестей... Тяжелое, изнуренное страшной войной детство — пусть не слышало оно грохота орудий...

Центральная мысль повести ясно выражена самим писателем в одной из его статей: «Не только гигантские батальоны, но и мальчишеская душа в призраке большого экранного искусства может упомянуть славу и красоту советского человека». Режиссер, со своей стороны, как бы укрупнил рассказанную Айтматовым

Война отодвинулась от нас на тридцать пять лет. Великой странницей истории стал ратный и трудовой подвиг народа в годы титанической битвы с фашизмом. И странницу эту с ее ославляющими до сих пор интересом вновь и вновь перечитывает Искусство. Наши современники сверяют свое настоящее с нравственным опытом прошлого — строго рассуждая, надевая прошлое.

Тридцать пять лет назад зачиналась судьба целого поколения. Память о тогдашнем героическом, светлом, переломном времени незыблема. Нам заметны — о кинематографисте. Так вот, если искать что-либо особо примечательное в отечественном кино последних лет, так это именно и есть настоящее проявление темы памяти. Темы возвращения к истокам.

Память о детстве — общее, коренное свойство людей. Но особого рода воспоминания у тех, кто был спасен своими отцами-солдатами в гонимую войну, кто видел бескомпромиссность, послужившую разлуку, вдовий слезы неутешенных своих матерей. «Мам не обещали легкой жизни, но в будущем она оказалась еще сложнее, чем это можно было предположить...» Слова бывшего суворовца, поэта и сценариста Г. Шпалюкова относятся ко всему поколению нынешних сорокалетних...

Память о детстве — о военном и послевоенном детстве — немало. Художники экрана заинтересованы и старательно исследуют вступление в жизнь своих сверстников. Дерево не плодоносит без корней. Детство остается с человеком навсегда. Надо лишь выискать, верен ли он ему или изменил, отступил от святых кляных клятв, от подговоров отцов — живых и павших.

Среди подобных картин многонационального советского кино выделяется лента Николая Губенко «Подранки — искоренный честный рассказ о послевоенных сиротах; исповедь как раз одного из тех пацанов-подранков, кого, казалось, насмерть опалила огнем войны. Вспомним и такие примечательные фильмы, как «И тогда я сказал...» — реж. Р. Ибрагимова и П. Арсенова; «А у нас была тышина» В. Шамшуркина; «Хлеб детства моего Я. Лурия; «Векные сонеты» В. Рубинчика; теленовеллу «Уроки французского» Е. Ташкова, поставленную по одноименному автобиографическому рассказу Валентина Распутина. Истина добывается здесь через искренности. Правда воспоминаний оборачивается правдой искусства.

Отличительная примета современного отечественного кино — осмысление опыта прошлого под углом зрения нашего современника. В постижении минувших событий, скваот огня и духа находит свое конкретное выражение, запечатлевается связь времен, наводятся мости между былым и текущим. Мы свободны пользоваться теперь понятием, историзма современного искусства, вывода его, это понятие, из традиций высокого гуманизма нашей предыдущей культуры, определяла прошлое народа не только как некий урок для нас, но как прямую причину нашего нынешнего нравственного, гражданственного самочувствия.

Переживаемый момент таков, что о войне размышляют. Войну вспоминают не только непосредственные участники ее, но и те, кому по возрасту не довелось побывать на фронте, кто, хотя войны, отголоски войны все равно отозвался в их душе... Находит свое выра-

Кадр из фильма «Ранние журавли».

невдуманную историю, прочертив важную для себя, ровесника войны, линию неразрывной связи поколений, акцентировав тему па-

[illegible]

Шамшиев безукоризненно выбрал актера. Отец играет С. Чокморов, символ мужественности и стати, отличный выразитель национального характера киргизов. Отец в «Раних журавлях» окружен бесконечным сыновним почитанием. Он и выглядит как подлинный ба- тыр. Недаром же у него на гимнастерке три самых почетных, знаменитых солдатских ор- дена: ведь их-то, знаки личной ратной добле- сти, заслужить было ох как непросто.

Детство и юность военного поколения — к нему обратились новые художественные фильмы. Снова нам напомнили, откуда мы родом, кому обязаны многим из того, чем обладаем теперь, — отцам, защитникам Отечества нашего (режиссеры: тановский фильм «Взятие» и учительница пережившая вместе со своим классом страшную ленинградскую блокаду и нелегкие послевоенные годы, спрашивает у своих учеников: запомнят ли они это — такое тяжелое, голодное — детство, не отречутся ли от него, добившись спустя годы и годы счастья и благополучия). Славными, воспоминаньями, захотят ли мы мысленно вернуться к тем мучительным дням?

Конечно, мир не без пятен. Кто-то из блокадных ленинградских мальчишек, возможно, и не хочет вспоминать прежние испытания, ала в благодушие, в сон совести. Но пафос нового телефильма выражен с предельной определенностью. Память о прошлом — своем, и солдат-отцов, и рано посевших матерей, устоявших в горе, — эта память жива и пребудет в поколении ныне возмужавших, послевоенных детей.

Не так давно актер А. Грачев сыграл в белорусской картине «Волчья стая», поставленной Б. Степановым по известной повести Василия Быкова. Его герой, бывший партизан Левчук, разыскивает и находит человека, в ту пору едва только появившегося на свет, которого спас от фашистской пули... Этот фильм тоже четко выразил мысль о неразрывности поколений советских людей, о великой ответственности отцов за своих детей, ради которых они защищали жизнь страны.

В новом телефильме «Алые погоны» (режиссер О. Горд) Гречев вновь в подобной роли. Его герой, наш современник, полковник Советской Армии, возвращается к дням войны, к дням своей учебы в Суворовском училище, вспоминая с благодарностью и величайшей признательностью своих наставников, воспитателей-офицеров...

Преимущество поколений очевидно. Это закон не только подготовки армии, но закон нравственного существования народа.

Вспоминание не прерогатива сентиментальности. Чем искреннее, честнее, ответственнее мы будем вспоминать свое нелегкое военное и послевоенное детство, тем большую степень истины обретет наше киноискусство.

Я нарочно ничего или почти ничего не говорил о собственно художественных элементах, эстетических завуалированных или потерянных фильмов, отмеченных выше. Более важным представлялось назвать закономерно появившийся тематический блок картин, подчеркнуть этический пафос.

Разумеется, фильмы неравноценны по стилистическим уровням, художественным открытиям. А это значит, что тема возвращения к истокам еще далеко не отработана. Тема-то очень велика! И возможности ее художественной реализации — также...

М. Черкасова, С. Шахрай, М. Пестова и С. Леонович в синхронном танце.

Фото А. БОЧНИНА,
специального
корреспондента
«Огонька»

Универсальный Дворец спорта «Вестфален-халле», легко превращаемый в трек и в баскетбольную площадку, стал ареной чемпионата мира по фигурному катанию с 11 по 18 марта. Этот фестиваль ледовых «звезд» завершал олимпийский сезон, а на финише сезона как известно, нередко происходят сенсационные события.

И на льду Дворца спорта в Дортмунде спор-
призы посыпались как из рога изобилия. Не
смогли стартовать из-за травм И. Родинна и
А. Зайцев, В. Ковалев, Т. Бабилония и Р. Гар-
нер. Произошла смена чемпионов сразу во всех
четырёх видах программы.

В тот день дортмундского турника пришел в гости известный советский игрок, представитель московской школы: Магнус Карлсен. Это был 14-летний студент Московского института физики. Магнус и я вместе с острым борцем Мануилом Магера и Леонидом Бондаренко, нашим тогдашним мастером, профинансировали поездку на турнир, который проходил по пути к композиции. Когда мы разобрались с судьей насадком сверхклассных элементов, Карлсен был в восторге от программы. Фигуристы дополнили новым образом на льду. Карлсен, красавец всего на один год младше и Александр Зайцев! Получились Бронников блестящий, Марина Пестухова и Станислав Лещенко, легкость исполнения этих элементов росла в стальной шине. ИСФ оба думая о заслуженного тренера СССР Станислава Жукова. Першина и Марат Азиев, дебютанты, персоналы

Как никогда напряженно проходили состязания танцоров, где тон задали олимпийские чемпионы Наталья Линичук и Геннадий Карпоносов, призеры Олимпиады Ирина Момсеева и Андрей Минаков, а также их постоянные соперники Кристина Реого и Андраш Салаи из Венгрии.

Истинное наслаждение любителям спорта доставили яркие эмоциональные танцы советских дуэтов. Кульминация наступила в третий

[illegible]

Зрителю с восторгом встретили выступление Фаворитом — олимпийского чемпиона Робина Казинса из Англии, заслуженного мира Линды Фраттис из США, чемпионки мира Лары Чарльза Тинкера из США. Их виртуозные программы убеждают в том, что фигуристское катание продолжает развиваться. Многие из лидеров покидают спорт в этом году. Прогноз, что в следующем сезоне будет благодарности славным чемпионам прошлых лет — ведь они проложили дорогу к вершинам нового олимпийского сезона. Многие из них не пренебрегают со «звездами» — многие из них вступают в дуэты в Лужниках в Москве. Мастеров — очередей политических маневров советского правительства — не так много. Решения лидерам сборной США выступать в городах СССР и тем самым линия их права вносить изменения в турне ледовых «звезд».

Венгерская танцевальная пара
К. Регоци и А. Салаи.

Чемпион мира Ян Хоффман из ГДР.

Чемпионка мира
А. Петч из ГДР.

ЛЬ ЛЕДОВЫХ «ЗВЕЗД»

Слева направо: С. Шахрай, С. Леонович, М. Анбаров, тренер С. Жук, М. Черкасова, М. Пестова и В. Першина.

КНИГА О МУЖЕСТВЕ

Книга избранных произведений Михаила Андриасова — донской земли — вошла в себя все то лучшее, что написано автором на протяжении многих лет. Активная позиция и то, что писатель всегда находился и находится на передовой линии, самобытное изображение нашей действительности, раскрытие человеческих характеров — вот что характерно прежде всего для его творчества.

Герои приходят на страницы его повестей из огненных дней войны и горных трудовых будней.

Ярким предстает перед читателями повесть «Шесть дней образ Героя Советского Союза, почетного гражданина Ростова-на-Дону, доблестного сына армянского народа Гукаса Мадояна.

Суровое сражение разгорелось на Ростовском вокзале и в прилегающем к нему районе в феврале 1943 года. Давидать восьмая армия под командованием генерала В. Ф. Герасименко форсированным маршем шла от героического Сталинграда на захваченного врагом столицу тигихо Дона. Один из передовых батальонов этой армии, батальон старшего лейтенанта Гукаса Мадояна, на рассвете 8 февраля переправившись через Дон, молниеносно ворвался в город. Однако через некоторое время фашистам удалось окружить наших бойцов. Шесть дней и шесть ночей длилась жестокая, нервная схватка батальона с превосходящими силами фашистов. Проявив железную стойкость, малоизвестные удержали небольшой клочок родной земли до подхода главных сил.

Не меньше полюбилась читателям и другая военная повесть — «Штурм ледяного вала». Фашисты, отступая от стен Сталинграда, взрылись в каждую пядь советской земли. У небольшой станции

Красновка на донской земле гитлеровцы возвели из морозной и голой степи неприступный ледяной вал.

Солдаты роты безстрашного сибиряка, лейтенанта Ивана Лыкунова, совершили здесь подвиг. Беспредельным штурмом они взяли это сильное фортификационное укрепление. Путь к отступлению противника в этом районе был наглухо закрыт. Герои Красновки в итоге единоборства пали смертью храбрых, и тринадцатый гвардейский посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В отрывках «на донской земле» вошли и публицистические рассказы «Вешенские былин». Давно работает писатель над шолоховской темой. В его произведениях предстает живой облик создателя «Тихого Дона», выписанный с любовью и глубоким пониманием творчества Шолохова. Его книги о Шолохове — «Сын тигихо Дона», «На шолоховской земле» и другие переведены на языки других советских народов, издаются в рубрике «Звезда».

Характерной чертой, присущей писательскому дарованию Михаила Андриасова, является любовь к людям. В новой книге это наглядно подтверждается документальной повестью «Звезда Аттомаша».

Героика войны и героика труда — основные темы темпераментного, энергичного писателя-публициста М. Андриасова. И в заключение нам хочется привести слова писателя Алексея Алексеева: «Не будем гадать, на каком фланге — на правом или левом — но М. Андриасов давно отыскал для себя свое место в боевом расположении донской литературной роты, отыскал и по-сдастски смирно несет свою службу».

Аرشак ТЕР-МАРКАРЯН

Ростов на Дону.

Михаил Андриасов. На донской земле. Ростовское книжное издательство. 1979. 320 стр.

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

Дорогая редакция! К вам обращается с просьбой инвалид 1-й группы Биндюрку Рамса Андреевна. Мне всего 40 лет, но тяжела болезнь приковала меня к постели. У меня нет никаких родных, я круглая сирота. Но люди в белых халатах заменили мне близких. Я хочу «отблагодарить» всех сотрудников, врачей, сестер, санитаров и водителей единственной поликлиники «Скорой помощи». Эти люди не знают покоя никогда: не маете, днем и ночью они спешат в каждую пядь помощи в беду человеку.

Мне часто бывает очень плохо, и мне приходится пригласить к себе на одну раз за сутки. Не было случая, чтобы кто-нибудь

не приехал на вызов. Спасибо им сердечное за это. И особенно благодарна им за помощь 11-й подстанции, где всегда ласковый, добрый, отзывчивый человек, чуткий к чужому горю, М. Андриасов. Благодаря ему и центральной районной поликлинике, заведующей которой 03 и диспетчеру, вызов идет через них. Я всегда прошу, пожалуйста, вовремя приехать бригаду. Я всячески благодарю тех этих людей, фамилии их я, к сожалению, не знаю.

С уважением к вам и надежда

Р. БИНДЮРКО.

Киев.

КРОССВОРД

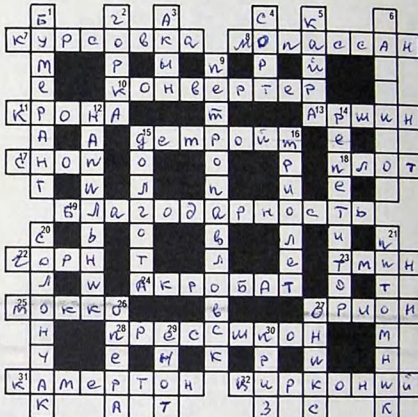
По горизонтали: 7. Документ на право лечения и питания на курорте. 8. Французский писатель. 10. Аргумент для получения статьи. 11. Деятельность Челюскинцев. 15. Старинная мера. 6. Вещь. Россия. 15. Город в США. 17. Связка сырых стейбов. 18. Единица измерения для слепых и незрячих. 19. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 22. Часть доменной печи, газогорелки. 23. Привычка. 24. Словосочетание, дирижёрский жест. 25. Сорт кофе. 27. Экзотическое созвездие. 28. Разнообразие картин. 31. Металлический стержень, служащий источником звука. 32. Химический элемент.

По вертикали: 1. Металлическая палка. 2. Фигура высшего пилотажа. 3. Народный пот-зель в Казахстане и Киргизии. 4. Категория, разряд товара определенного качества. 5. Полярная птица. 6. Вещь, зеленое травянистое растение. 9. Областной центр в Казахстане. 12. Металлоустройство инструмента. 14. Русская А. П. Чекова. 15. Географическая координата. 16. Стихотворная форма. 20. Вид поэмы. 21. Место развалины, памятника, монумента. 22. Математическое произведение. 27. Минерал, разновидность агата. 28. Пшеница. 30. Награда победителю в состязании.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 3. Вавилон. 5. Паспорт. 7. Актур. 8. Тонь. 9. Кислород. 11. Вархат. 13. Домбра. 14. Алетон. 15. Регата. 19. Алаш. 21. Лягушка. 21. Рубинштейн. 22. Пирс. 24. Воде. 25. Ариосто. 28. Теннис.

По вертикали: 1. Двор. 2. Торт. 3. Водород. 4. Втулка. 5. Порода. 6. Телефон. 9. Карбюратор. 10. Копенгаген. 11. Байкал. 12. Тартан. 15. Реплика. 17. Загада. 19. Ариосто. 20. Устой. 23. Стих. 24. Бит.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Стихи... Урок ведет школа Истринского района, Московской области.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Восемьдесят лет Костровской средней школы Марина Афоничева и Татьяна Пиромова. Пятница за вождями «Горького»... Галина Ивановна Булаева; «Математика доступна всем» У старшей классной сегодня танцы «Механизаторы» Сергея Хроленова и Александра Сучова в костюмах в колон.

(См. в номере материал «Костровцы идут в будущее».)

Фото И. Тункина

Главный редактор — А. В. СОДОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЬСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НИКИТОВ, А. Г. ПАЧНИЧКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ПОЛНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бульварный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27, Отделы: Репортажа и фотосъемки — 250-36-38; Механизаторы — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-88; Литературы — 212-83-69; Техника и бытовые приборы — 212-22-11; Наука и техника — 212-21-66; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-17; Печать — 212-22-88; Литературный журнал — 212-22-13.

Сдано в набор 10.03.80. Подписано к печати 25.03.80. А 00342. Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 70. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 110 000 экз. Изд. № 781. Заказ № 2060.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Способны на любые акции
Цепные псы цепной реакции.

Дм. ДЕМИН

Рисунок КУКРЫНИКОВ

ISSN 0131—0097
 Цена номера 35 коп.
 Индекс 70663

